

Читайте:

4 Михаил КОРЬШИН:
Музыка для открытых сердец

6 Геннадий МАЙОРОВ:
Четвёртая рота

10 Анатолий АВРУТИН:
«Всё мне чудится звук оробелый...»

12 Аплодисменты юбиляру!
Леонид ТУЧНИН: Глаз – алмаз

15 Рада ПОЛИЩУК:
Единое целое

18 Виктор ЛИВЦОВ:
Легенды древнего города Болхова

20 Валерий АНИШКИН:
Гагарин и Николаев

26 Павел НЕСМЕЛОВ:
«Это как второй прыжок с парашютом»

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Сегодня вновь обратимся к умным мыслям. Может, кому-то пригодится...

Люк Вовенарг, французский философ: Тот, кто требует платы за свою честность, чаще всего продаёт свою честь.
Филип Честерфилд, британский дипломат и писатель: Сознание своего достоинства делает умного человека более скромным, но вместе с тем и более стойким.

Эдмон Бошен, французский писатель: Чем больше мы говорим о своих достоинствах, тем меньше в них верят.
Демокрит, древнегреческий философ: Честный и бесчестный человек познаются не только из того, что они делают, но и из того, чего они желают.

Николай Чернышевский, русский философ-материалист: Ребёнок, который переносит меньше оскорблений, вырастает человеком, более сознающим своё достоинство.

Он же: Честь — одна и та же у женщин и мужчин, девушек, замужних женщин, стариков и старух: “не обманывай”, “не воруй”, “не пьянствуй”; только из таких правил, относящихся ко всем людям, складывается кодекс чести в правдивом смысле слова.

Иоганн Зейме, немецкий писатель: Честь редко бывает там, где слава, и ещё реже слава бывает там, где честь.

Конфуций, древнекитайский мыслитель и философ: Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему у них поучиться. Достоинствам их я постараюсь подражать, а на их недостатках сам буду учиться.

Франсуа Ларошфуко, французский писатель: Поистине необычайными достоинствами обладает тот, кто сумел заслужить похвалу своих завистников.

Тацит, древнеримский историк: Каждому свою честь воздаст потомство.

Александр Суворов, русский полководец: Без добродетели нет ни славы, ни чести.

Генри Филдинг, английский писатель: Истинная честь не может терпеть неправду.

Лев Толстой, знаменитый русский писатель: Ошибочно думать, что много знаний есть достоинство. Важно не количество, а качество знания.

Люк Вовенарг, французский философ: Нет ничего полезнее доброго имени, и ничто не создаёт его так прочно, как достоинство.

Адольф Книгге, немецкий писатель: Достоинство каждого человека зависит только от того, как он показывает себя в своих поступках.

№68' май 2026 Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)

Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.05.2026 г. Выход в свет: с 01.05.2026 г.

Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №68-НО+ Цена свободная

Фото из открытых источников

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

Михаил КОНЬШИН

Михаил Ермаков: Музыка для открытых сердец

Замечательный музыкальный фестиваль, прошедший минувшей осенью, жители посёлка Покровское вспоминают до сих пор. Его организатором стал местный баянист Андрей Воробьёв.

Запечатлеть на полотне

Знакомство с крепким улыбающимся мужчиной в яркой концертной рубашке и с баяном на плече началось... с портретной галереи гармонистов Покровского района. Эту необычную идею – запечатлеть на полотне тех, кто своим талантом и творчеством создаёт для людей праздник – воплотил в жизнь художник Юрий Иванович Новиков. Андрей Воробьёв оказался восьмым, чей портрет занял место в этом ряду. А всего, по словам Юрия Новикова, таких портретов будет не меньше полутора десятков: столько гармонистов выросли, жили здесь в разные годы или живут теперь, прославляя родной Покровский край.

Родом из детства

Андрей был младшим из четверых детей в семье Ивана Воробьёва. Андрею было всего 11 лет, когда не стало отца. Многие обязанности по хозяйству взяли на себя старшие братья. Андрей тоже был приучен к труду: пас животных, которые имелись на подворье, готовил для них корм, поил телят, даже корову научился доить.

А ещё в семье Воробьёвых очень любили музыку.

– Братья один за другим поступали в музыкальную школу, учились по классу баяна, – вспоминает он. – Я тоже не хотел отставать, но выбрал не баян, а ударные инструменты, проще говоря, барабан. К нам какое-то время приезжал преподаватель из Орла, даже жил в школе. Занятия проводил серьёзно, выделял способных ребят. Говорил, что у меня хороший слух и чувство ритма, для ребёнка такая похвала значила очень много.

Но детская музыкальная история продолжалась недолго, всего до третьего класса. Потом преподаватель уехал и на

этом фактически детское музыкальное образование Андрея закончилось.

После в школе работал известный баянист Сергей Сезонов. Он организовал вокально-инструментальный ансамбль, в котором была старшая группа, в основном преподаватели, и младшая состояла из учеников. Именно при нём Андрей взял в руки баян, хотя до профессионального обучения так и не дошло. Но этот опыт и любовь к музыкальному инструменту не исчезли, в конечном итоге именно баян стал неизменным спутником в жизни и судьбе нашего героя.

«Сыграй, а мы подпоём»

Впрочем, не всё в плане творчества складывалось гладко. Отслужив действительную армейскую службу, Андрей остался на сверхсрочную и задержался в армии на целых 10 лет. На космодроме Плесецк, в подразделении, где он командовал взводом, было не до баяна, поскольку важность задач не позволяла отвлекаться на всё другое.

– Когда уже по окончании службы вернулся домой, ко мне в гости заехал сослуживец, – рассказывает Андрей. – Посидели, поговорили. И тут мой брат вместе с моим армейским товарищем просит: «А, давай-ка, Андрюша, сыграй что-нибудь, да спой, ты же умеешь. А мы подпоём». Не всё в тот вечер получалось складно и ладно, но так запало в душу, что я стал поневоле задумываться: «Почему нет?! Кому помешает музыка?! Но жизнь-то уж точно красит».

Трёхрядная, наша

Это был своего рода толчок, начало новой истории в жизни Андрея Воробьёва. По совету брата купил баян, который стоил в ту пору каких-то 1000 рублей (теперь цена такому инструменту далеко за сто тысяч, что уж говорить про эксклюзивный, концертный баян). Играл для себя, для друзей, на вечеринках, на семейных праздниках. Но видел: в обычной народной среде, в клубах, на уличных гуляньях люди предпочитают гармошку, инструмент голосистый, залихватский. И долго раздумывать не стал, взял в руки трёхрядку.

– Скажу честно: гармонь я с детства не знал, а потому играть на ней не умел, – признаётся он. – Вроде бы похожие с баяном инструменты, но разница огромна: по технике игры, по музыкальному строю. Но если владеешь игрой на баяне, гармонь даётся легко. А вот наоборот будет гораздо сложнее.

Глоток свежего воздуха

Андрей Воробьёв, без сомнения, творческая личность. Самобытный, яркий музыкант и исполнитель. Но профессионалом себя не считает.

– Если спросите меня про ноты, то я по нотам не играю, – улыбается он. – Можно считать, что я самоучка. Мелодию подбираю на слух, как подсказывает сердце.

У него есть постоянное место работы – начальник службы безопасности одной серьёзной структуры в Москве. Выходные дни, отпуск, как правило, посвящает творчеству.

– В подмосковной Истре, – рассказывает он, – есть один уникальный человек – Валерий Николаевич Болотов. Предприниматель, родом из Курской области. Любит музыку, русские народные песни, гармонь, баян. Много лет организует концерты для жителей этого подмосковного городка. Приезжают люди отовсюду. И каждый музыкант непременно со своей программой, своими песнями. Это превращается в незабываемые концерты: зрители приходят целыми семьями: родители с детьми, бабушки, дедушки. Атмосфера на концертах невероятная, расходиться никто не хочет, потому что эта музыка для души и для сердца. Музыка, которую любит наш народ.

Такие встречи проходят не один раз в год. Не раз слышал от людей, что для них это как глоток свежего воздуха.

Поскольку поездок и выступлений не просто на публике, а на сцене становилось всё больше, Андрей приобрёл профессиональный баян: дорогой, залихватский.

– Мне нужен был инструмент и поголосистей, и полегче, – поясняет он, – ведь концерт может продолжаться и два, и три часа, а держать на плечах 12 килограммов (столько весит баян), не так-то просто. Спина устаёт, как ни крути.

Играй гармонь в Покровском

Участвуя в таких концертах, Андрей всё больше проникнулся мыслью, что неплохо бы что-то похожее сделать и для своей малой родины. Размышлял, готовился, рассылал приглашения. Идею поддержал глава муниципального образования Андрей Решетников, работники культуры, общественники. В итоге родился фестиваль «Играй гармонь в Покровском». Случилось это осенью прошлого года.

– В гости к нам приехали около 30 гармонистов и баянистов и 16 коллективов, в том числе несколько хоровых. Многие наши зрители впервые увидели липецкую рояльную гармонь, уникальный инструмент, редкий по звучанию. Исполнялись русские народные и популярные песни советских и российских композиторов, наигрыши, плясовые. Заодно пели и солисты, и хоры. Это было грандиозно! Каждый номер вызывал бурю эмоций и шквал аплодисментов. Люди соскучились по таким тёплым встречам с настоящей музыкой и душевной песней.

Андрей тоже исполнил свои любимые песни, в числе которых «Пшеница золотая», «Враги сожгли родную хату», а кроме того несколько новых песен, музыку к которым написал он сам. Таковых в его активе не меньше пятнадцати! Он стоял на сцене в своей замечательной концертной рубашке, которую специально для него пошила покровская мастерица Марина Ивановна Мальцева.

«Какие же вы молодцы, ребята! Посмотрела запись вашего фестиваля в Покровском, некоторые концертные номера по несколько раз. Такой прекрасный праздник, такая музыка, такие песни! Видимо, сама Богородица помогала вам в этот день. Удивительно! Великолепно!» Такой отзыв прислала Андрею Мария Андреевна Марченко из Подмосковья.

– После концерта зрители нас долго не отпускали, благодарили, говорили добрые слова. Постараемся сделать так, чтобы песенный фестиваль в Покровском стал ежегодным, – подытожил нашу беседу талантливый и очень обаятельный человек Андрей Воробьёв.

В майском номере журнала «Дружба народов» опубликован рассказ Геннадия Майорова, посвящённый отцу, который в 17 лет добровольцем пошёл на войну, заслужил за год боевых действий три медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», получил три ранения. Он, как и большинство ветеранов, не любил вспоминать то лихолетье. Но однажды я уговорил-таки его сесть за мемуары. Николай Семёнович Майоров долго сопротивлялся, но потом всё-таки сел за стол с авторучкой в руке и начал вспоминать. Его потрясающие истории я объединил общим названием «Солдатская война», где не было бравады и фальши, где правда проступала, как кровь из-под бинтов. Три книги воспоминаний отца, увы, увидели свет только после его смерти. Светлая память солдату Победы, который подарил мне жизнь.

Четвёртая рота

Из цикла «Мне о войне рассказывал отец»

Младший лейтенант Егоров ёжился в шатком блиндаже, когда простуженно зачихал телефон. Ефрейтор-связист натренированным движением схватил трубку, небритое лицо его посерьёзнело.

– Товарищ младший лейтенант, вас комбат вызывает.

Грохот постепенно смолкал. Противник нуждался в передышке. И опытный фронтовик понял, что за коротким отдыхом следует которое уже за день наступление – на последних нервах и жилах, то самое, решающее, в котором или-или...

Егоров видел, как измотались и осатанели солдаты. Четвёртые сутки никак не могли выбить эсэсовские части из-за пятиметровой насыпи, раскинувшейся вдоль берега небольшой венгерской речушки. Так бывает на войне: где-то не задалось, не получилось сразу, с ходу – и всё застопорилось. А в спешке исправлять положение – только больше дров наломашь.

Младший лейтенант поправил на боку планшет и отправился на командный пункт. По дороге окинул взглядом поле боя, и вспомнилось письмо рядового Осипова, балагура и весельчака всего подразделения. Письмо лежало недописанным на ящике в блиндаже: «...Всё нормально, мама, на душе весна, и воевать осталось не так уж много. Только вот никак не могу закончить это письмо: фрицы настойчиво зовут к себе в гости. Ну да ладно, схожу ещё разок в атаку, побеседую с ними на нашем, на русском языке, вернусь и докончу...»

Стрельба почти утихла, когда Егоров добрался до КП.

Комбат нервно жевал папиросу и о чём-то горячо спорил с замполитом. Заметив вошедшего Егорова, майор придавил в банке давно погасший окурочок, взглянул на часы и тяжело выдохнул.

– Что думаешь, комсорг, насчёт этой чёртовой насыпи?

Младший лейтенант растерялся. Распухшая от бессонницы голова плохо соображала, и он признался, что не готов к ответу.

Комбат неодобрительно прицокнул языком и жестом пригласил Егорова к столу, где была расстелена подробная карта местности.

– Давай рассуждать вместе. До насыпи почти два километра, впереди голое поле – только неубранные кукурузные стебли. Да ты и сам всё видел. Вот тут, заняв траншею боевого охранения немцев, залегла четвёртая рота – наш, так сказать, плацдарм. До них примерно километра полтора. Так вот. Пробрёшься к ним вот в этом месте, – майор ногтем оставил на карте жирный неровный след, – здесь мёртвое пространство, немцы с насыпи не достанут. Обрати внимание: четвёртая рота находится как раз на линии атаки. И если совершить стремительный рывок, можно с ходу ворваться на эту проклятую горку...

Комбат оторвался от карты и вцепился в Егорова красными от чрезмерного напряжения молящими глазами.

– Я тебе честно скажу, комсорг, на тебя вся надежда. Больше офицеров нет. А роту надо во что бы то ни стало поднять в атаку. Понимаешь – надо! Полчаса всего продержаться, чтобы батальон успел развернуться.

9 ноября 1944г. Дунай

19 ноября 1944г. В атаку!

Сбоку подошёл замполит, легонько похлопал Егорова по руке. И заговорил мягко, спокойно, не то что комбат:

– Вы должны понять, как важно это задание. В четвёртой роте, возможно, не осталось офицеров, и связи нет. Скажу честно, командование поставило нам жёсткие условия: занять позиции к вечеру. Если вам не удастся поднять роту, жертв будет намного больше.

Младший лейтенант козырнул и вышел. Приказ понятен. Знать бы только, как его выполнить, как совершить то, что не удалось за прошедшие три дня. Егоров сунул в карманы две гранаты, за пазуху – запасной автоматный диск. Эх, была не была!

Ловким движением он перемахнул через бруствер и пополз. Откуда-то с фланга тотчас подал голос пулемёт. Совсем рядом брызнул водой вспоротый пулями набухший снег. «Если заметили, надо поторопиться», – пронеслось в голове. И Егоров по всем правилам тактики короткими перебежками рванул вперёд, к мёртвому (значит – спасительному) пространству, куда не могла дотянуться смерть из фашистского пулемёта.

Но следующая очередь заставила залечь. Стрелок, видать, был отменный, прямо-таки снайпер. Он уже успел продырявить Егорову шапку и срезать каблук на левом сапоге. Теперь каждое новое движение давалось младшему лейтенанту с трудом. Пулемётчик, похоже, вошёл в азарт и даже забавлялся, заставляя Егорова падать в самую грязь и несколько минут лежать в холодной жиже.

Егорову однажды уже пришлось столкнуться с войсками СС, когда эти головорезы пытались рассечь линию фронта и опрокинуть в Дунай наши части, находившиеся между двумя озёрами Балатон и Веленце. По сорок-пятьдесят танков в день бросали немцы на позиции полка. Дрались как фанатики. Запомнились на их рукавах злоецие нашивки с именем фюрера. Сейчас за насыпью сидели такие же твари и упорно сдерживали продвижение стрелкового корпуса.

Земля пахла пробуждающейся жизнью. На небольшом, рваном от осколков пригорке Егоров заметил малюсенький зелёный росток. Потянулся к нему обветренными губами. И тут же нестерпимая тоска по дому, по родной земле, по маме перехватила дыхание. Как всё-таки страшно и обидно умирать в конце войны, в этом месиве, да к тому же не выполнив задания, не узнав, чем закончится наше наступление.

А до кукурузных стеблей ещё довольно далеко. Егоров неимоверным усилием заставил себя собраться для очередного броска и, опередив пулемётчика, оторвался от земли. Вместе с наступающими пулями нырнул в неглубокую воронку, налетев на чьё-то тело. Свинец шлёпнулся рядом, обдало грязью. Отдышавшись, Егоров перевернул тело солдата на спину: ба, Осипов! На бледном перекошенном лице, от переносицы до подбородка, налипла полоска снега. И не таяла. Вспомнилось недописанное письмо домой, которое уже никогда не попадёт в руки бедной матери... А ему, Егорову, комсorghу батальона, если посчастливится остаться живым,

24 апреля 1944г.. Ржев.
Перед отправкой на фронт

то придётся писать незнакомой женщине, что её сын, «рядовой Осипов пал смертью храбрых на далёкой венгерской земле». Погиб, не провоевав и полгода, не получив ни одной боевой награды.

Где-то сзади гулко ухнул взрыв, затем другой. Егоров продолжал ползти, экономя силы для последней пробежки. Пулемёт молчал, словно выжидая, когда младший лейтенант приподнимется, чтобы сбить его с ног на встречном движении.

Ветер колючими порывами студил разгорячённое лицо, капли пота обжигающе скатывались по щетинистым щекам, а пересохшая глотка хрипела от натуги. Но Егоров уже поверил, что доползёт, доберётся и перехитрит в последнем броске эсэсовского снайпера.

Его давно заметили автоматчики четвёртой роты, и какой-то солдат, то и дело поправляя на голове не по размеру подобранную каску, махал рукой:

– Сюда, товарищ лейтенант, сюда!

Сильные ловкие руки втащили его в траншею, заботливо стряхнули с бушлата грязь и снег.

– Где ротный? – спросил Егоров, вглядываясь в лица мужественных пехотинцев, которым выпала нелёгкая доля быть первыми.

– Я здесь, – послышался голос лейтенанта Постникова. Он курил, прислонившись к осыпавшейся стене траншеи.

– Комбат приказал во что бы то ни стало поднять роту в атаку и завязать бой на насыпи, чтобы батальоны успели...

– Слушай, комса, пошёл-ка ты, – грубо оборвал Егорова ротный. – Тоже мне, деятель выискался. На пальцах-то оно легко. А вот, поди ж, попробуй. У меня в роте осталось десять человек, ты – одиннадцатый.

С командного пункта в небо взлетела ракета.

– Ладно, не сердчай на меня, – после паузы уже спокойно сказал Постников, – сам видишь, в каких условиях воюем. А приказ... что ж, приказ выполнять надо.

Как-то странно прищурившись, он посмотрел на Егорова и совсем по-домашнему, по-свойски спросил:

– Лет-то тебе сколько, младшóй?

– Девятнадцатый, – Егоров смутился, почувствовав себя мальчишкой среди этих рослых, задубевших от войны и стужи мужиков. Хотел было намекнуть ротному, что не место, дескать, здесь, при подчинённых, такие разговоры заводить. Но Постников словно сам догадался и отдал распоряжение:

– Медведев, людей по местам, приготовиться.

Все разошлись.

– А на фронте с какого года? – Постников испытующе глянул прямо в глаза, словно хотел влезть в душу, довериться, сказать что-то очень важное.

– С сорок третьего, с осени.

Ротный заскрипел зубами. Только теперь Егоров заметил, что он ранен в ногу и, судя по всему, серьёзно.

– С сорок третьего значит, – тихо повторил ротный. И замолчал. Потом тяжело задыхался, иережидая очередной приступ боли. – А я, брат, с сорок первого, с начала.

Постников опять посмотрел на Егорова глубоко запавшими, бесцветными глазами, в которых не было ничего, кроме неизбывной тоски и ледящего предчувствия чего-то страшного. Он вдруг сильно потянул Егорова за рукав, рывком привлёк к себе и зашептал на ухо скороговоркой:

– Мне, понимаешь, никак нельзя помирать. Не имею права детей на бесчестье обречь. Двое их у меня, младшенькая уже без меня родилась, в тылу, в июле сорок первого. Я ведь капитаном был. Под Гомелем ранило. Плен, два года лагерей, побег. Обо всём долго рассказывать. Ты же знаешь, что такое из плена вернуться... Штрафбат. Самое пекло. Закон один: чтобы искупить вину, надо или награду заработать, или ранение получить... Я трусом никогда не был. – Егоров поспешно закивал, мол, конечно, знаю. – Я везде лез на рожон. Верись, сам пулю искал. А она не брала. И до медали дело не доходило. Вот дослужился до лейтенанта. Роту дали, вроде бы поверили, вроде бы смысл позор... Но это всё слова, их к делу не подошьёшь. Понимаешь, как мне нужна хотя бы самая маленькая медаль, самая что ни на есть простенькая!

Постников откинулся на спину, крепко зажмурил закипевшие от слёз глаза, громко сглотнул комок в горле.

– Никому не плакался, комсорг, всю войну. А вот под конец не выдержал. Вдруг страшно стало. Не за себя, нет. За детишек своих, за наследников. Мне ведь не выкарабкаться. В лучшем случае без ноги останусь, а в худшем – пулю в висок, когда эти сволочи попрут. И тогда всё: перемелют, перемешают землю вместе с косточками. Вместе с именем...

Егоров сидел на корточках возле теряющего силы Постникова. Он ощущал его горячее больное дыхание и не мог заставить себя подняться, принять решение. Выручил ротный. Приоткрыв глаза, сразу перешёл к делу:

– Есть только единственный путь до насыпи. Через небольшую лощину, видишь, где домик маленький стоит. Там кустарник... Там все мои лучшие разведчики лежат. Сержант Мед-

ведев знает: вчера ночью они этот путь развели. У самой насыпи, за домиком, немцы из пулемётов не возьмут. А там все гранаты разом жажнете – и вперёд! Главное – пулемёты захватить.

Непослушными пальцами Постников долго расстёгивал карман гимнастёрки. Вытащил документы, протянул Егорову:

– Об одном прошу, мне ведь больше просить некого: если случайно, вдруг – я понимаю, что это нереально, и всё же! – если вдруг отыщется моя семья, расскажи обо мне всё, всю правду... Мне стыдиться нечего и некого. Вот только с медалью не повезло. Обидно!

Подошёл сержант Медведев:

– Товарищ лейтенант, все готовы.

– Коля, – глухо сказал ротный, – вас поведёт младший лейтенант Егоров, комсорг батальона. Покажешь дорогу.

И, переждав накатившую боль, продолжил:

– Это будет наша последняя атака сегодня. Если не залезем на насыпь, батальоны попадут под перекрёстный огонь. Назад дороги нет. Коля, ты меня понимаешь?

– Так точно, товарищ лейтенант, – пробасил Медведев и добавил деловито: – Мы постараемся.

– Ну, с Богом, – ротный легонько подтолкнул Егорова и отвернулся. – Поспешайте, пока у фрицев обед.

– Вам охрану оставить? – пересохшими губами прошептал Егоров, не зная, как проститься с Постниковым.

– Иди, иди, комсорг, – так и не подняв глаз, произнёс ротный, – тебе каждый человек пригодится. А у меня вот, пушка есть, – и он для убедительности потряс в руке пистолетом.

– Тогда до свидания, товарищ лейтенант.

– Прощай, комсорг. Живи долго!

Солдаты, один за другим, быстро вылезали из траншеи и осторожно ползком пробирались к редким зарослям кустарника, за которым и была та единственная, нащупанная

Москва, Красная площадь. 9 мая 1985 года. Всё, что осталось от знаменитой 84-й дивизии 3-го Украинского фронта. Отец на снимке крайний слева в первом ряду

разведчиками тропа, ведущая к самому уязвимому месту немецкой обороны. Егоров не удержался, издали обернулся. Увидел только голову ротного: тот силился приподняться, чтобы в последний раз посмотреть на своих бойцов, благословить их на жестокий решительный штурм и потом сползти на дно траншеи, где и умереть с чистой совестью.

Медведев продвигался сноровисто и бесшумно. Егоров едва поспевал за ним. У ветхого сарайчика, служившего, по всей видимости, крестьянам укрытием от непогоды, младший лейтенант остановился и подождал, пока подтянутся остальные. Молча, все вытащили гранаты. Секунду постояли, как бы собираясь с духом. И наконец Егоров решительно скомандовал: «Пошли!»

Треснула от взрывов тишина, эхо атаки раскатилось по полю. Вслед за дымом и гарью на вражеском укреплении появились десять страшных в своём порыве, готовых к рукопашной солдат. Они навалились, смяли первое пулемётное гнездо, за ним – второе. Горячий осколок боднул Егорова в плечо. Он не ощутил боли, но и не услышал громогласного «Ура!» наступающих цепей батальона...

Когда враг был выбит с этой чёртовой насыпи и обращён в бегство, а молоденькая медсестра перевязала рану Егорова, всё порывавшегося вслед за ушедшими вперёд подразделениями преследовать фашистов, появился комбат с командиром полка. Обняв растерянного Егорова, комбат улыбнулся:

– Стройте роту, лейтенант, благодарить буду.

И то ли от избытка нахлынувших чувств, то ли от потери крови Егоров почувствовал, как закружилась голова, задрожали и подкосились ноги. Вцепившись в плечо медсестры, он крикнул срывающимся голосом:

– Рота лейтенанта Постникова, ко мне!

Пятеро бойцов попытались построиться в шеренгу на неровной, изгрызенной металлом высотки – весь личный состав четвёртой роты.

Командир полка оглядел каждого, рывком снял фуражку и наклонил голову:

– Спасибо вам, солдаты. За стойкость, за мужество ваше... – и через плечо адъютанту: – Всех представить к ордену Красного Знамени.

Он уже отошёл на добрый десяток шагов, когда Егоров спохватился, рванулся за ним, но не удержался – упал.

– Товарищ полковник, а как же Постников? Постникова не забудьте! Это ведь он прорыв начал! Ему никак нельзя без медали...

– Не забудем, лейтенант, – обернулся командир полка, – никого не забудем, не волнуйтесь.

Подбежала медсестра, помогла Егорову подняться. Он непонимающе крутил головой, не слыша и не видя никого, и только всё время повторял:

– Товарищ полковник, а как же Постников?.. Ротного не забудьте... Это ведь он прорыв начал... Ему никак нельзя без медали...

Бойцы успели подхватить Егорова, потерявшего сознание, и понесли в медсанбат.

Через полчаса вражеская мина накрыла «Виллис», в котором ехал командир полка со своим адъютантом. Полковник, рассказывали, до этого дня прошёл войну без единой царапины.

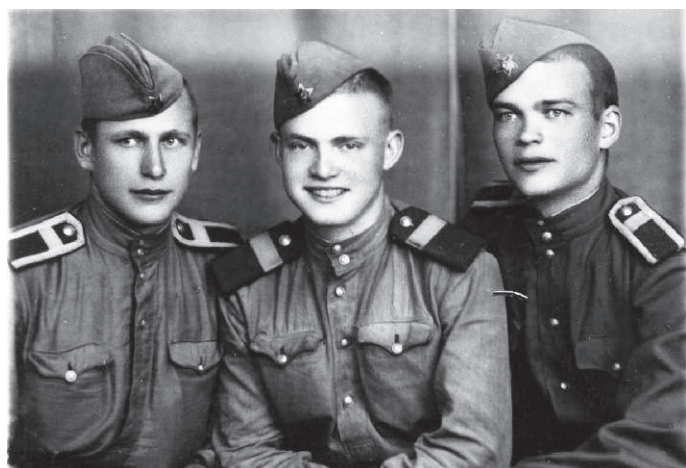
1943г. Чувашия, «учебка». Скоро на фронт

8 января 1945г. Венгрия

9 мая 1945г. Австрия. Победа!

1946г. Фагараш (Румыния). Офицерское училище

Анатолий АВРУТИН

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в 1948 году в Минске, окончил Белгосуниверситет. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», автор свыше тридцати книг поэзии, переводов и прозы, изданных в Беларуси, России, Германии и Канаде. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, международных литературных премий им. М. Лермонтова, им. М. Цветаевой и многих других, двукратный обладатель «Золотого Витязя» (в жанрах поэзии и перевода). Указами Президента Беларуси награждён орденом Франциска Скорины и одноимённой медалью. Отмечен Патриаршим Знаком «За вклад в развитие русской литературы» и орденом Святой Преподобной Евфросиньи Полоцкой от Русской Православной Церкви.

«Всё мне гудится звук оробелый...»

Стихотворение... Тихотворение...
Слова о слово неслышное трение.
Полудыханью дыханья дарение...
Тихотворение... Стихотворение...

День начинается... Жизнь начинается.
Будто слезинка, росинка качается.
Женщина тихо во сне улыбается...
Жизнь начинается... День начинается.

Вещего слова явление вечное...
С ним бесконечно, что вечно конечное.
Вновь возвращает пропавшее зрение
Стихотворение... Тихотворение...

Тихая женщина с взглядом печальницы,
С бледным лицом не улыбки-молчальницы,
Строчку услышав, замрёт на мгновение...
Стихотворение... Тихотворение...

Всё по-иному теперь понимается —
Все мы конечны, а жизнь не кончается.
Ждёт нас, как божие благословение
Стихотворение... Тихотворение...

«Я встретил вас...» Какая благодать,
когда так сладко слушать и молчать,
как хорошо молчать и только слушать!
И пусть о чём-то лжёт телеэкран,
плывёт по морю новый Магеллан,
и хочется молчанья не нарушить...
Я помню лишь одно: «Я встретил вас...»
С разливом безмятежно-серых глаз,
с улыбкою районной Моны Лизы.

Пусть трин-трава растёт хоть сверху вниз,
под шторами сгибается карниз,
мне безразличны шаткие карнизы.
«Я встретил вас...» Другое ни к чему,
пусть яркий свет сменяется на тьму,
и вороны кружат над пепелищем,
пускай последний аист улетел,
пусть князь Гвидон покинул свой удел...
Всё ищем мы того, чего не сыщем.
«Я встретил вас...» Ещё издалека
узнал ваш голос. Узкая рука
порой перчатку светлую роняла,
неверный свет мерцал на маяке,
и песня зазвучала вдалеке —
в той песне ни конца и ни начала.
Я посмотрел в окно в который раз
и вспомнил, что, когда я встретил вас,
всё так же звёзды в небе голубели.
Какой там год? Какое там число?
Давно всё с дымом горьким унесло.
Бессонница... И ветер дует в щели.

Такой порой ни вскрикнуть, ни всплакнуть.
Того гляди, печаль раздавит грудь,
и не дано здесь, кажется, иного.
Всего одна слезинка на щеке,
всего одна искринка вдалеке,
всего одно несказанное слово.

Ещё шажок... Оступишься, и вот
никто тебя от боли не спасёт,
никто не спросит имени и званья.
Всего одна неясная печаль,
всего одна обманчивая даль,
всего одно последнее свиданье.

Всё позабыто — мысли и слова,
от горечи кружится голова,
и невозможно молвить про иное...
Всего один трагический излом,
всего одно словечко о былом,
всего одно безмолвие ночное.

Наш примус всё чадил устало,
скрипели ставни, сыпал снег...
Мне мама Пушкина читала,
твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
я слушал — кроха в два вершка —
про царство славного Салтана
и золотого петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала —
тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвёздно,
что сказка — это не всерьёз,
мы знали — папа будет поздно,
но он нам Пушкина принёс.
И унывать нам не пристало
из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала,
я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
я ж повторяю на бегу
строку из «Каменного гостя»
да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю:
ей слышать годы не велят,
но я ей Пушкина читаю
и вижу: золотится взгляд.

Солнышко высокое,
слышен птичий альт.
Дед идёт и цокает
палкой об асфальт.
Сто путей исхожено,
был и сыт, и наг.
Вся судьбина вложена
в каждый этот шаг.
Шаг... Война проклятая
силы отняла.
Шаг... Письмишко смятое —
мама умерла.
Шаг... На стройке вкалывал.

Шаг... Попутал бес —
восемь лет без малого
лес валил он, лес...
Шаг... Вернулся, встретила
верная жена.
Шаг... Сынишку третьего
родила она.
Шаг... Сыны проворные
выросли, женил.
Шаг... В годину чёрную
Марью схоронил.
Шаг... И где вы, деточки?
Что же, им видней...
Шаг... На чёрной веточке
серый воробей.
Злыдень двинул обушком —
упорхнул, но хром.
Дедушке с воробышком
хорошо вдвоём.
Постоит, поокает —
на душе светлей.
Дед идёт и цокает
палочкой своей.

Закричу... Неотзывчивы ныне
эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
где ни возгласа и ни огня,
что-то ухнет, залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек.
С губ слизнув леденящую бель,
через силу взберусь на пригорок:
за пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну —
может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой —
злой предвестницы чёрных разлук —
всё мне чудится звук оробельи,
из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая невольно
на исходе пропащего дня.
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

Известный орловский фотомастер и фотохудожник, заслуженный работник культуры Российской Федерации Леонид Тучнин отметил 80-летний юбилей

У него неисчислимо количество фоторабот, десятки и десятки персональных и коллективных выставок в Орле, Белгороде, Москве, других городах и даже за рубежом.

ГЛАЗ – АЛМАЗ

Потом, уже будучи сотрудником «Орловской правды», он станет свидетелем и летописцем бесконечного числа самых разных событий, встретит много известных людей: политиков, писателей, артистов. Но его героями были не только важные лица и участники торжественных мероприятий. Леонид Михайлович делал замечательные фотоportреты механизаторов, животноводов, рабочих. Его фоторепортажи с новостроек, с посевной или уборочной отличались нестандартным подходом, умением найти свежий сюжетный поворот или неожиданный ракурс. Почерк Тучнина нельзя было спутать ни с каким другим.

Мне не раз доводилось бывать с ним в командировках. Смотреть как работает этот человек с фотокамерой в руке – настоящее удовольствие. Кажется, для него в этот момент не существует ничего вокруг, кроме героя, кроме той истории, которую он должен запечатлеть на плёнку.

А ведь профессиональным фотографом Леонид Михайлович мог и не стать.

– По-серьёзному моя трудовая биография начиналась с областного архива, – рассказывает он с улыбкой. – А до архива в одном из тогдашних НИИ я работал на копировальном аппарате. Скучная, однообразная работа оказалась не по душе. Устроиться в архив порекомендовал один мой знакомый. Так и трудился в архиве до армии простым рабочим. А по совместительству – фотографом. Посылали в командировки, мол, снимай для истории, в архиве всё пригодится. В старинном Болхове с его знаменитыми церквями фотографировал храм, который собирались снести. Теперь его можно увидеть только на фото...

Во время службы в армии, в одной из закрытых частей на севере, бывал на Новой Земле, на Кольском полуострове. Там его фотографические способности тоже пригодились: когда узнали, что этот парень умеет снимать и даже в газете работал, на разные торжественные и прочие мероприятия ему выдавали фотоаппарат – давай, мол, запечатлей происходящее для отчётов.

Переломным в его жизни стал август 1991 года, когда он и ещё целая группа журналистов, выступивших против ГКЧП, вынуждены были покинуть «Орловскую правду». Работал в другой газете, на телевидении. А потом его пригласили в областной краеведческий музей, где Леонид Михайлович трудится по сей день.

– По большому счёту всегда считал себя архивистом, а для музейного дела это ценное приобретение, – с неизменным юмором говорит Тучнин. – Я коллекционер, собираю всё, что считаю ценным. Разумеется, с точки зрения фото.

Век цифровых технологий фотографией никого не удивит. Фотографировать стали все от мала до велика, у кого в руках мобильник с камерой, у кого смартфон и прочие гаджеты.

Но фотографии, как и сами фотографы, бывают разные. Кто-то делает тысячу снимков, и ни на одном из них не задержится взгляд. Это любители, их большинство.

А есть фотографы, работы которых знают и ждут, они непременно участники всевозможных экспозиций и выставок. Это люди, достигшие высот мастерства. Их творчество сродни искусству, да, собственно, оно искусство и есть.

Одно из таких имён хорошо известно не только орловцам, его знают во многих городах страны: Москве, Петербурге, Белгороде, соседних Брянске и Курске – Леонид Михайлович Тучнин.

Начиналось его увлечение, ставшее смыслом всей жизни, со школьной скамьи, когда он сделал первые свои кадры простенькой камерой «Любитель», которую подарил старший брат.

В 1962 году Леонид сделал фотографию молодого рабочего, когда проходил практику на заводе. Фото отправил в областную молодёжную газету «Орловский комсомолец». Так, на удачу. И – надо же! – фотографию напечатали! Опытный глаз редактора сразу оценил умение 16-летнего паренька, приславшего этот снимок. А вскоре его пригласили поработать в этой газете вместо ушедшего в отпуск штатного фотографа Шабалина.

– Тогда произошло событие, которое запомнилось мне на всю жизнь, – рассказывает Леонид Михайлович. – В Орёл приехал Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян на зажжение Вечного огня в сквере Танкистов. И мне по заданию редакции предстояло сделать об этом фоторепортаж. Не передать, как волновался! Но всё получилось. Теперь, спустя много лет, это не просто память, а документ эпохи, частичка истории нашей страны, запечатлённая в кадре.

Для музея выиграл два гранта, на что приобрели в своё время первый компьютерный комплекс. Благодаря этому обротованию смог обработать и передать в музей несколько архивов, в том числе наших коллег, бывших журналистов «Орловской правды».

У него невероятное количество грамот, дипломов, прочих наград. Но одной гордится особо.

– Это грамота из областного архива, где меня назвали историком и краеведом. Не фотографом, не мастером фотографии, как это зачем-то делаете вы, журналисты, а именно историком и краеведом, – в своей шутилой манере продолжает Леонид Михайлович.

Щедрый и позитивный человек. Не жалеет ни времени, ни себя. Не счесть выставок, которые он собрал, подготовил, провёл. Счёт не на десятки – на сотни. И персональных, и прочих, с участием известных и начинающих фотографов. Его персональные выставки проходили в Греции, Франции, Германии, в Мичиганском университете США. И всякий раз на них приходили самые лестные отзывы. Тематика фоторабот на выставках самая разная: портреты, натюрморты, коллажи, бытовые фотографии.

В родном Орле, когда узнают о выставке Леонида Тучнина, посмотреть его работы приходит много людей, не обязательно увлекающихся фотографией. Есть что-то притягательное, доверительно близкое в его снимках, далеко не всегда подобранных тематически, или объединённых одной понятной идеей. В них есть главное, что подкупает: история сегодняшнего дня, обычная жизнь людей не придуманная, не приукрашенная, увиденная через глазок фотоаппарата.

Но тематических тоже немало. Впечатляющей, вызывающей сильные эмоции стала серия фотографий «Солдатское поле» о войне, о тех фронтовиках, кто прошёл её в окопах, а не в парадном строю. Цикл коллажей «Я помню» Леонид Тучнин посвятил друзьям и тем людям, кто оставил особый отпечаток в его жизни. По своему очаровательной, проникнутой неизменной любовью к родным местам, милым дворикам и уголкам, где прошло его детство, получилась серия фотографий, растянутая во времени, «100 видов Карачевской улицы, на которой живу».

За многие годы дружбы с фотокамерой у него сложилось стойкое убеждение, что время, в котором мы живём, принадлежит не только сегодняшним нам, но и нашим потомкам. Им будет легче судить о том, какими мы были, через что прошли, какие ценности вдохновляли нас жить и творить.

Следую этому своему неизменному правилу, Тучнин передал в работу областному архиву более 70 тысяч фотодокументов – свой бесценный клад, который собирал всю жизнь. А недавно подарил музею искусств «кусочек» своей серии «Сто видов Карачевской улицы».

Кто-то из друзей сказал, что этот неутомимый человек работает как пчёлка. Руководит Орловским фотографическим обществом при Орловском краеведческом музее. Раз в месяц готовит плановые выставки, а ещё вдвое больше – внеплановых, тематических, событийных. Организует поездки молодых фотографов на фотосессии, вместе с ними выезжает сам.

– Хорошая фотография, – рассуждает Тучнин, – это не просто кадр. Это момент размышления, если хотите, это искусство документа, свидетельство времени. Именно с этой позиции я определяю ценность любой фотографии. Она

должна быть говорящей, нескучной, вмещающей в себя динамику момента, застывшее движение, переживание, чувство. Она должна нас чему-то учить.

Об одной из недавних тематических выставок Леонида Тучнина хочу рассказать отдельно. Она состоялась в Доме-музее Ивана Сергеевича Тургенева и была посвящена городу Орлу, который, как известно, объявлен третьей литературной столицей России. Называлась выставка понятно и просто: «Прогулки по Орлу литературному».

Автор, по его собственному признанию, многие годы работал над темой «Город», и как-то сама собой постепенно вычленилась и тема литературных мест.

– Представленное на выставке, – говорит Леонид Михайлович, – всего лишь малая часть того, что было снято, начиная с 1965 года. Посредством фотографии я постарался показать то, чего в ряде случаев уже, к сожалению, нет, что с течением времени исчезло с лица земли в нашем городе. Как художник, я всегда с большой болью думаю об этом, потому что речь идёт о нашем великом наследии, которое, увы, во многом утрачено. И хорошо, что хоть какие-то черты того, бывшего, что связано с литературными местами Орла, пусть на фотографиях, но остались.

А мест таких в истории города множество, всего не перечислить, не назвать. И все они связаны с великими именами художников слова: Лесков, Андреев, Бунин, Пясецкий... А как без Пушкина? Он тут был, гостил у генерала Ермолова, когда следовал в ссылку на юг, сделав знаменитый крюк в 200 вёрст через Калугу в Орёл... Вот на фото Свято-Троицкий храм и место упокоения А.П. Ермолова. Рядом – фото дома Ермоловых уже после реставрации.

Или на следующих фото: здание музея И.А. Бунина, от-

крытие памятника Нобелевскому лауреату в Орле в 1998 году при небывалом стечении народа. Дом-музей знаменитого русского философа и культуролога Михаила Бахтина. Памятник И.С. Тургеневу на железнодорожном вокзале: открыт в 1957 году, скульптор Андрей Курнаков. Памятник Тургеневу у городского парка в Орле. Открыт в 1968 году.

А ещё на фотографиях много уютных старинных дворишков, пейзажей. Излучина реки Орлик у Дворянского гнезда, фото 1970 года. Сейчас здесь такого пейзажа уже нет.

Знаменитая Есенинская набережная, утопающая в цветах. Воскресенский переулочек и площадь Карла Маркса, какими они были 50-60 лет назад. Набережные Оки и Орлика, ещё те, до реконструкции 2016 года. Многие орловцы помнят эти места.

А вот ещё одно памятное фото: 1979 год, весеннее половодье, разливы рек Оки и Орлика. В свои годы здесь наверняка бывали орловские писатели разных поколений, и всё это буйство природы, весенний паводок и мощь реки наблюдали своими глазами, чтобы потом отразить в бессмертных произведениях.

Теперь эти водные разливы и берега рек стали другими, исчезли и остались разве что на фотографиях Тучнина. К примеру, Бодискина гора, у которой заканчивается современная улица Горького. Там в своё время был деревянный мосток, который всякий раз сносило весенним половодьем. Теперь здесь построен железобетонный мост, который водным потоком не сорвёшь.

Всего на выставке «Прогулки по Орлу литературному» было представлено около 100 фотографий. По замыслу организаторов и самого автора, она была сознательно ограничена городом. А ещё и временем, поскольку фотографий, связанных с литературными местами Орла после 2000-х, совсем немного.

Образ города, его черты, которые проглядывают к нам, сегодняшним, из глубины минувших лет, это, в первую очередь, история и память, и это тоже достояние, которое нужно беречь.

– Конечно, было бы очень неплохо начинать прогулки по литературным местам нашего города именно отсюда, от дома-музея Ивана Сергеевича Тургенева, – считает заведующая экспозиционно-выставочным отделом дома-музея великого писателя Елена Кузнецова. – Этот музей, как известно, был открыт сразу после революции в 1918 году, по специальному декрету Наркомпроса, и располагался в том здании, где сейчас находится музей писателей-орловцев, и позже переехал сюда. Судя по запечатлённым на фотографиях Леонида Михайловича событиям, можно удивляться, сколько людей в разное время собиралось в дни литературных праздников на открытие памятников, музейных выставок. Это говорит о том, как любили и любят орловцы творчество наших писателей-земляков, и те уголки Орла, которые с ними связаны.

На открытии выставки читали стихи Фета, Бунина, вспоминали другие выставки Тучнина, всегда наполненные и смыслом, и светом. Благодарили за его желание сохранить образ Орла пусть недавнего, но всё же прошлого, которое столь же дорого, как и настоящее нашего прекрасного города.

Ещё одна замечательная новость состоялась в конце мероприятия, когда Леонид Михайлович объявил, что всю коллекцию, представленную на выставке, он оставляет в дар дому-музею И.С. Тургенева. Присутствующая в зале много-

численная публика встретила её восторженным гулом и волной аплодисментов.

Гиви Калмахелидзе, член Союза художников России:

– Что отличает Леонида Тучнина от других наших фотохудожников и фотомастеров? Он имеет свой творческий язык, своё лицо. Это дано не каждому. Леонид Михайлович – приверженец чёрно-белого фото, и я понимаю почему. Чёрно-белая фотография концентрирует внимание, цветная – отвлекает, рассеивает концентрацию. В своё время он делал фотографии первого каталога моих картин. Это было нечто, что меня удивило и поразило. Какая удивительная работа мастера! Он как хороший охотник, который одним выстрелом достигает цели, а здесь всего лишь нажатием на кнопку фотокамеры добивается не менее блестящего результата. Это настоящее искусство, искусство высокой пробы!

Галина Петрова, член Союза журналистов России, много лет была секретарём Орловского Союза журналистов:

– Прежде всего Леонид Тучнин – человек щедрой и широкой души. Такой и в творчестве. Неугомонный искатель, художник, профессионал в истинном понимании этого слова. Сколько всего повидал, уловил через глазок своей камеры за долгие годы работы! И что особенно поражает: он до сих пор не устал, не насытился поиском, его творческий глаз по-прежнему острый, будто у снайпера, незамысленный, как говорят, чувствует всю красоту и неповторимость мгновения, которое окажется в кадре.

За его плечами – огромный багаж и огромный опыт настоящего мастера фотографии. Невозможно сосчитать, сколько его персональных выставок у нас, в Орле и области, в России и за рубежом состоялось за годы его работы. Он щедро передаёт секреты мастерства молодым, ведёт фотостудии и кружки. Он неутомимый подвижник фотографического искусства.

Дмитрий Монсеев, директор Орловского областного краеведческого музея:

– Скажу так: Леонид Михайлович – стопроцентный музейщик. Четверть века в нашем коллективе, в областном краеведческом музее, – это серьёзная веха. Без всякой натяжки, с его приходом работа музея поднялась на новый уровень. Он пишет летопись музейной жизни в фотографиях, собирает бесценный архив, показывает и пропагандирует музейное дело. Он организует выставки в нашем музее на самые разные темы, с привлечением мастеров фотографии из Москвы и Петербурга, других городов страны. Возглавляет областное фотографическое общество, участвует во всех значимых мероприятиях и событиях, которые происходят в городе и области. Этот человек – настоящий труженик, каким и подобает быть мастеру.

Рада Полищук – писатель, журналист, издатель и главный редактор российско-израильского русскоязычного альманаха еврейской культуры «ДИАЛОГ» (1996-2020 гг.).

Родилась и живёт в Москве. Окончила Московский авиационный приборостроительный техникум и Московский авиационный институт (им. С. Орджоникидзе).

Первый рассказ написан в 1984 году, первая публикация – в 1985, первая книга – в 1991: «Угол для бездомной собаки. Повесть о женщине в монологах» (издательство «Советский писатель»). Позже вышли ещё 17 книг прозы, два сборника стихов (Библиотечка поэзии Союза писателей Москвы). Книги прозы, повести, рассказы много раз становились лауреатами, дипломантами и входили в шорт-листы разных литературных премий. Автор более ста публикаций в различных журналах, альманахах, антологиях прозы XX и XXI века, сборниках в России и за рубежом (Израиль, США, Китай, Франция, Финляндия), а также множества журналистских публикаций в центральных российских и иностранных изданиях.

Рада ПОЛИЩУК

ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ

По всему городу были развешаны рекламы: «Котлеты в Компоте!!! Котлеты в Компоте!!!». Одесские штучки. На Дерибасовской в ресторане «Компот» – акция: в меню пятьдесят видов котлет.

Где вы такое видели – котлеты в компоте?

Вы не видели, я видела.

Ах, Боже мой, когда это было!

Тёти Малины котлеты в компоте. За каждые полкотлеты – кружка душистого сладкого компота из инжира, алычи, абрикоса, груши, айвы, дыни, с одуряющим запахом корицы. Ради этого компота мы иногда съедали по две котлеты. Мама глазам не верила, а тётя Маля говорила, довольная собой:

– Девочки, Идочка, должны быть пухленькие, мягонькие, круглые, как шанежки, чтоб их скушать хотелось. Вот как я, например. Изюня от меня уж скоро двадцать лет по кусочку откусывает, а я целёхонька, ещё полвека с голода не помрёт.

Смеётся, широко открыв рот, обнажив белые зубы, один к одному, как на плакате в кабинете дантиста. Так Изюня дантист и есть, он от неё не только откусывает, но и за зубами её пристрастно приглядывает, как лицо, заинтересованное в первую очередь. Её зубы – предмет его профессиональной гордости. Свои запустил, уже не поправить – до остолбенения боится бормашины и всяких других манипуляций в полости рта.

– Малюня, малышка моя, девочка моя маленькая, со мной не пропадёшь, – бахвалится Изюня и головой ей в подмышку тыкается, выше не достаёт.

А ничего смешного нет. С войны вернулся с двумя боевыми медалями – «За отвагу» и «За боевые заслуги», другие медали получал, как все выжившие, по месту жительства – к круглым датам войны, уже в мирное время, когда на дантиста учился не по своей воле. Отец завещал перед смертью: дед дантистом был, я дантист, и ты дантистом будешь. Никаких возражений не принял, да не хватило у Изюни сил с умирающим спорить. И не исполнить волю отца не смог, и мать умоляюще посматривала, подгоняла молча, «давай, сынок», – читал он в её глазах, давай, люди ждут, кресло отца простаивать не должно, и я без жужжания бормашины долго не протяну, привыкла, от тишины погибаю. Так и решила её судьба. А видел он себя портным женского платья,

такую мечту с детства имел. Представлял, как будет из красивых тканей вырезать платья причудливого фасона и, надев на руку подушечку с булавками, накалывать на манекен наряд за нарядом.

Отчасти мечта сбылась: Малюню свою он обшивает по полной программе – от нижних сорочек до зимнего пальто, отороченного мехом. Дантист он хороший, справный, очереди в его кабинет не переводятся, но душа молчит, будто отлетает на время по своим неотложным надобностям. А стоит лишь портновскую иглу в руки взять – душа возвращается, и ладная такая песня на два голоса складывается у них, не прерывать бы её никогда. И что примечательно: зубы лечит правой рукой, как все, а шьёт и кроит – левой, никто так не учил, само по себе вышло, иначе и быть не могло. Левая рука ближе к сердцу.

Кроме Малюни, он никому не шьёт, сколько бы ни просили, какие бы деньги ни предлагали. Она и ходит по Одессе такая обособленная, со своими басками, рюшами и гофрированными крылышками Изюниного кроя – для неё специально, для неё одной. А он сам обычно то сзади, то сбоку идёт неприметно, с гордостью осматривая творение рук своих, себя не выпячивает. И так все знают: впереди – Маля, поодаль – Изюня. Единое целое. Такая о них молва ходит. Может, и завидует кто, наверняка даже, как без этого проживёшь, но они дурного глаза не чувствуют и сами никому зла не желают.

Они друг в дружке души не чаяли, от самой первой встречи и каждый прожитый вместе день. Не понаслышке знали, что такое любовь.

А первая встреча была – умора что такое, слезами обольётся. Изюня шёл по городу от вокзала к Привозу, горько смотреть на него – в чём только жизнь теплилась: худюсенький, солдатские брюки, поддёргнутые ремнём, болтались на тоненьких ножках, подметая тротуар, как матросские клёши, только без того нарочитого шика, что царил до войны на Приморском бульваре. В правой руке неловко волочил большой, не по росту ему, вещмешок, потёртый, перевязанный по горловине толстой кручёной верёвкой. Шёл, оглядывался по сторонам, будто потерял кого-то или сам потерялся, и глаза навывкате под чёрными густыми бровями вот-вот заплачут. А

ведь радость какая – с войны живой домой вернулся.

Таким его Маля увидела, неся домой с Привоза кошёлку с продуктами, не бог весть что, а всё же и рыба появилась, бычки и скумбрия, синеньких не было, а вот картошка, огурчики, лук поспели. Жить можно. И война закончилась, проклятая. Кто не от горя, тот от радости плачет. И Маля плачет со всеми вместе. Мама умерла давно, она ещё девчонкой бегала по двору, в дочки-матери играла, а мамы не было. Папа умер перед самой войной, дома, в своей постели от прободения язвы желудка. Аккурат успел – в мае сорок первого она его похоронила, ещё все родственники на местах были. По обряду, как положено, похоронили на старом еврейском кладбище, над могилой постояли недолго, помолились, погоревали, поговорили о том о сём и разошлись, обнялись на прощание, руки пожали или просто кивком головы. Не всё так гладко в семье было. А у кого всё гладко? Бывало, только смерть на кладбище и сводила от случая к случаю, обычай предков соблюдали – для чтения кадиша над покойным миньян нужен – десять взрослых мужчин. Смерть не тот случай, когда отлынуть можно – все приходили, подвести нельзя. Кто ж знал в тот раз, что многие больше и не свидятся на этом свете – кто по Старопортофранковской, по «дороге смерти» в вечность ушёл, только боль в сердце и имена в памяти остались; кто на полях войны погиб или пропал без вести, таких много было. Из эвакуации только-только возвращаться стали понемногу, постаревшие, уставшие от разлук и тревоги, с опаской жильё своё не найти, пусть будет плохонькое – молились, какое сохранилось – да своё; с мыслями – как жить дальше после всего, что случилось. Как жить?

А жить надо.

Они буквально столкнулись на мощёной булыжником мостовой, Изюня ткнулся головой Мале в спину. Маля вскрикнула от неожиданности, а оглянувшись, увидела чёрные угольные глаза навывкате с застывшей в них тоской и недоверчивую улыбку в уголках губ. Заныло, загорелось внизу живота и потекло обжигающей волной вверх, к горлу. Она коротко вскрикнула и вдруг, сама не понимая, что делает, прижала его к своей груди, вмяла в себя, как в большую пуховую подушку – он доверчиво влип в неё и затих. От жалости к нему её зазнобило, отлетели куда-то все уличные шумы – громкие голоса прохожих, звон трамваев, гудки клаксонов, крики кондукторов... Тишина накрыла их, надолго ли – не помнят ни он, ни она.

Так началась любовь.

А вскорости и совместная жизнь в Изюниной двухкомнатной квартире на Чичерина, угол Пушкинской, где одна комната была по всей науке оборудованным кабинетом дантиста, вторая – спальней, столовой и кухней одновременно. Маля, по странному стечению обстоятельств, жила тоже на Чичерина, на другом конце улицы, близко от трамвайного круга, рядом с Лонжероном. Жила на птичьих правах: баба

Наташа, старая дворничиха, теперь тоже одинокая, как Маля, выделила ей угол в дворничком домишке в глубине двора. Пожалела, потому что их квартиру из одной комнаты с тёмным чуланчиком и небольшим палисадником, всегда утопающим в цветах – от весны до глубокой осени, заняли пришлые люди и отдавать никакого намерения не имели.

Ах, что бы Маля делала, если б не баба Наташа, – ума не приложить. Она так рвалась домой в Одессу из казахского поселка Джусалы, где прожила три с половиной года в пустыне Кызылкум. Маля, морская душа, пловчиха, одесситка до мозга костей. «Морячка Маля как-то в мае...» – это про неё пели ребята из соседних дворов. И самая толстая из всех девчонок в школе – жиртрестпромсосиска, плавать она могла часами, как дельфин. Без моря нет ей жизни. В Одессу, в Одессу! На Лонжерон! Скорее – в Одессу!

А её там никто не ждал, и дома у неё не было. Только могилы на старом еврейском кладбище. Она из первых вернулась в родной опустевший город, и одна родная душа приветила её – баба Наташа, суровая, неразговорчивая, с тяжёлым взглядом из-под насупленных бровей. Беседы никакие не вели, изредка перекидывались словом-другим, а жили душа в душу, ни о чём заранее не сговаривались, никакие правила общежития не прописывали. В одном баба Наташа была непреклонна: не давала Мале взять в руки метлу, чтобы помочь ей двор мести. «Не лезь, – сказала как отрезала. – Не твоего ума дело. Книжки читай, детей во дворе учи, как мать учила. Или ещё что надумаешь. Сама справлюсь, недолго уж». А и правда, недолго оказалось.

Хоронили бабу Наташу уже вместе с Изюней. Вдвоём со свечками в церкви стояли – неловкость перед батюшкой с трудом пересиливали, да поодаль трое мужчин со двора, чтобы помочь гроб поднять и вынести. Тихо и легко закончилась долгая, трудная жизнь бабы Наташи. Надорвалась, все силы истратила, потому и лицо на белой подушечке выглядело помолодевшим, спокойным, удовлетворённым. И то сказать – заслужила покой баба Наташа, видно и там, на небесах, её хорошо встретили, благословили за все земные добродетели.

А Маля к Изюне переехала, хоть и побаивалась недобрых взглядов свекрови. Не одобряла её Изюнина мама, нет, не одобряла, и скрывать это не собиралась, совсем даже наоборот – всячески подчёркивала своё недовольство невесткой. В своём доме полноправной хозяйкой была и к безоговорочному сыновнему повиновению привыкла. Не в её возрасте менять привычки, да и характер имела не из уступчивых. Пока свекровь жила, Изюня ужом крутился между ними, худел, несмотря на Малины выдающиеся кулинарные способности, по большей части молчал и с той, и с другой, стараясь никого не выделить и сохранить внешнее равновесие, только тёмные круги под глазами выдавали наивысшую степень его беспокойства.

А ночью в постели, под одеялом прижимался к Мале как дитя безгрешное и пылкий любовник в

одно время. Наверное, свекровь виновата, что ребёночек у них не получился, о чём мечтали они оба. Маля бы деток котлетами в компоте потчевала и другими деликатесами домашнего производства, а Изюня шил бы платица-костюмчики всем на радость, а кому-то, может, и на зависть, тоже не беда. О большой и дружной семье мечтали – и в этом полностью совпали их интересы.

Только по ночам, когда крылатый Бог любви и плодородия Эрос просыпался и звал в свои объятия всех влюблённых, жили они сторожко, к звукам извне невольно прислушивались – то ложечка о чашку за перегородкой звенькнет, то Изюню вдруг мать позовёт требовательно, неотложно – сию же минуту, как приспичило, без промедления; то храп внезапно оборвётся, и послышатся шаркающие шаги. А они себе в кухне спальный уголок оборудовали, проходная получилась спальня. По этой причине не отпускали они свою страсть на волю никогда. Маля женщина целомудренная, но от природы страстная, всё время неудовлетворённость чувствовала и об одном мечтала – остаться с Изюней наедине, без неусыпного свидетеля за тонкой стенкой-временкой.

Под одеялом ласкали друг друга, задыхаясь от нежности, желания и духоты. Вынырнут ненадолго, воздуха плотнут и обратно – с головой, как дети, вроде так их никто не увидит. Изюня медленно целовал её от кончиков пальцев на ногах до жёстких локонов на лбу, она едва дышала, всем своим женским существом отзываясь на каждый его поцелуй. Тёплые влажные прикосновения будили в ней такую испуганную чувственность, что ей делалось страшно. Одной рукой она зажимала себе рот, чтобы не закричать во всё горло, разбудив не только свекровь, но и всех соседей во дворе, а другой – отталкивала Изюню от себя, да от греха подальше. И так каждый раз. Днём свекровь всегда была дома, и оставить её одну нельзя было ни при каких обстоятельствах даже на короткое время, на день-другой.

Когда свекровь умерла, оба были уже не в детородном возрасте, и мечта о ребёнке отлетела светлым облачком, может, кому другому удачей обернётся. А любовь крепла, не могли они жить друг без друга. Ни дышать, ни есть, ни спать. Маля была и домохозяйкой, и помощницей: пациентов записывала, талончики выдавала, инструменты кипятила, потому даже когда Изюня вёл приём в своём кабинете, она каждое мгновение чувствовала его присутствие и мысленно помогала, безошибочно угадывая, когда трудный зуб, когда удаление, когда операция на надкостнице.

Так шло время, день за днём в неостановимом своём течении.

А потом Маля заболела. Болезнь подкралась исподтишка, Изюня не сразу её распознал. Маля рассеянная сделалась – то потеряет что-то, то перепутает, идеальный порядок в доме постепенно превращался в бедлам. Он не запретил ей готовить инструменты к приёму, чтобы не обидеть, только после сам кипятил

снова и всё укладывал в нужном порядке. Больных тоже стал сам записывать под предлогом усиленного контроля со стороны налоговых органов, у него ведь ни по каким бумагам помощница не числилась. Да, в конце концов, и так жить можно, он подстраивался под эти перемены, не зная, что ждёт их впереди.

Беда летела на них снежным комом. То Маля цветы горячей водой из чайника полила, то вместо сахарной пудры солью посыпала коржи своего фирменного торта, то газ включила, а выключить забыла, пока он в булочную ходил, чуть не отравилась; то соседней перестала узнавать, а то вдруг пропала, он чуть с ума не сошёл, пока с милицией отыскал её на Лонжероне поздним вечером одну в лифчике и трусах в холодное время поздней осени. Она как будто ничего не понимала, только смотрела на него, словно спросить о чём-то хотела, да не решалась.

А как-то ночью, когда лежали, как всегда тесно обнявшись, вдруг прошептала в самое ухо: «Изюня, со мной что-то происходит?» Он растерялся, спрятал лицо у неё на груди, прильнул губами к нежной коже: «Спи, Малюня, малышка моя, девочка моя маленькая, я всегда с тобой».

Больше она ни о чём не спрашивала, а вскоре перестала его узнавать.

Он закрыл свой кабинет и не отходил от неё ни на шаг, всё время разговаривал с ней, научился варить и печь по её рецептам, всё в точности делал, как она.

Везде и всюду водил её за руку. Шёл впереди, а сзади плелась дородная, пышная Маля мелкими шажками, как девочка маленькая. Одна такая пара в городе – ни с кем не спутаешь. Сострадательно оглядывались им вслед те, кто помнил другую диспозицию: впереди царственно шагала Маля, поодаль, чуть сбоку – Изюня. Единое целое. Теперь тоже так говорят, и кое-кто по-прежнему завидует им.

Он даже на море её повез, на Лонжерон, чтобы она искупалась. Искупалась! – это для таких, как он, кто и на резиновом круге плавать не может. Он договорился со спасателем, что тот поплывёт на своей шлюпке рядом с ней, чтобы, Боже упаси, чего не случилось. И Маля поплыла... Он стоял по пояс в воде и глаз с неё не сводил – вот она нырнула, вот вынырнула, вот снова нырнула... На берегу глаза её светились счастьем.

Вечером, уже лёжа в постели, посмотрела на него долго, внимательно и сказала: «Я тебя не знаю, но ты меня не бросай, пожалуйста» и доверчиво, как ребёнок, вложила свою ладонь в его руку. Он долго сидел так, потом прилёг рядом, не выпуская её руку, и уснул.

А утром, когда проснулся, Мали уже не было.

Смерть, конечно, не безвременная по житейским меркам. Мале шестьдесят шесть было. Но Изюня старше на семь лет. Он должен был умереть первым. Он упрямо повторял это каждому встречному, будто что-то можно было изменить.

А изменить уже ничего нельзя.

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО ГОРОДА БОЛХОВА

(Продолжение. Начало в № 66)

В Спасо-Преображенском соборе хранятся в раке мощи орловского уроженца священноисповедника Георгия Коссова (4 апреля 1855 – 8 сентября 1928), много потрудившегося для духовного просвещения Болховской земли в селе Спас-Чекряк.

В 1884 г. он был рукоположен в священники и назначен на этот беднейший приход в уезде. Слово «Чекряк» имеет татарские корни, означая «непроходимое урочище».

По древнему преданию, там стояло языческое капище, а первая христианская церковь, построенная на его месте, ушла под землю. Приставка «Спас» более поздняя. Вместе «Спас-Чекряк» значило: «спаси в непроходимом урочище».

В 1647 году здесь была возведена Спасо-Преображенская церковь. Приход из 14 дворов ко времени приезда отца Георгия находился в бедственном положении. Ветхая и пустая церковь стояла в двух верстах от деревни, в ней было так холодно, что даже Святые Дары замерзали.

Известный православный писатель начала прошлого века и орловский помещик Сергей Александрович Нилус в своём очерке «Егор Чекряковский» пишет, что «...ещё при жизни старца Амвросия Оптинского, хотя и очень незадолго до его праведной кончины, по нашим орловским местам прошла слава среди народа про отца Георгия Коссова из села Спас-Чекряк Болховского уезда, даже усматривали в нём непосредственного преемника по благодати о. Амвросия, нового прозорливца, которому открыто сокровенное человека, для которого и в будущем нет тайного...»

О даре прозорливости о. Егора сложились целые легенды со слов тех, кто на себе испытал силу этого дара. Отец Егор был известен не только в Орловской губернии. Толпы богомольцев разного звания притекали в захолустное, безвестное село Спас-Чекряк Болховского уезда Орловской губернии. Особенно этот поток вырос, действительно, после праведной кончины старца Амвросия Оптинского (+ 1891 г.)...»

Далее С.А. Нилус описывает свою поездку в Спас-Чекряк, службу отца Егора в маленькой деревянной церкви, встречу и разговор с батюшкой у него дома.

«...Облик отца Егора в старой, заносенной ризе, обвисшей на его высокой сухощавой фигуре, его тёмные с большой проседью волосы, закинутые со лба назад, реденькая бородка, небольшие усы, открывающие характерный, сильный рот, в котором так и отпечатался характер стой-

кий, точно вычеканенный из железа; небольшие глаза, горящие каким-то особенно ярким внутренним огнём, и взглядом, глубоко устремлённым внутрь себя, из-под глубоких, редких складок между бровями... Это был один из дивных воинов Русской Православной Церкви, несших ей победные венцы в борьбе с внутренними и внешними врагами, с врагами земными и врагами злобы поднебесной...».

Батюшка Егорий стал рассказывать С.А. Нилусу о начале своей службы в Спас-Чекряке.

«...Когда я приехал сюда, меня оторопь взяла – что мне делать? Жить не в чем, служить не в чем. Дом – старый, престарый; церковь, пойдёшь служить, того гляди – самого задавит. Доходов почти никаких... Прихожане удалены от храма и от притча. Народ бедный; самим в пору еле прокормиться... Что было тут делать?! Священник я в ту пору был молодой, неопытный, к тому здоровьем очень слаб, кровью кашлял. Матушка моя была сирота бедная. Поддержки ни откуда не было, а на руках у меня были ещё младшие братья. Оставалось бежать. Так я и задумал.

На ту пору велика была слава отца Амвросия. Пустынь Оптинская от нас верстах в шестидесяти.

Как-то по лету, ни свет ни заря, котомку на плечи, да и пошёл к нему за благословением уходить мне из прихода. Часа в четыре дня был уже в Оптиной. Батюшка меня не знал ни по виду, ни по слуху. Прихожу в его келью, а уж народу там – тьмы: дожидаются выхода батюшки. Стал я в сторонке.

Смотрю – он выходит, да прямо меня через всех и манит к себе:

– Ты иерей, что там задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь, кто иереев ставит? А ты бросать?! Храм, вишь у него стар, заваливаться стал! А ты строй новый, да большой, каменный, да тёплый, да полы в нём чтоб были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай, да дурь из головы выкинь!...

Помни: храм-то, храм-то строй, как я тебе сказываю. Ступай, иерей, Бог тебя благословит!

А на мне и знака-то иерейского не было.

Пошёл я домой тут же. Иду да думаю: «Что же это такое? Мне строить каменный храм? С голоду дома чуть не умираешь, а тут храм строить! Ловко утешает, нечего сказать!»

Пришёл домой, кое-как отделался от вопросов жены. Сказал только, что не благословил старец просить перевода. А что в душе стало происходить и не передать. Настала тоска неотвязная. Молитва на ум нейдёт. С людьми, с женой даже не разговариваю. Задумываться стал.

Амвросий Оптинский

И стал слышать и ночью, и днём какие-то страшные голоса: «Уходи, говорят, скорей! Ты один, а нас много! Где тебе с нами бороться! Мы тебя совсем со свету сживём!». Дошло до того, что не только молитвы не стало, – мысли богохульные стали лезть в голову; а ночью – сна нет, и какая-то сила прямо с постели стала сбрасывать, прямо вьете.

В ужасе, едва не мешаясь рассудком от перенесённых страхов, опять кинулся к отцу Амвросию.

А тот, как увидел меня, не спрашивая, говорит:

– Ну чего испугался, иерей? Он один, а вас двое!

– Как же это так, – говорю, – батюшка?

– Христос Бог, да ты – вот и выходит двое! А враг-то – он один. Ступай домой, ничего вперёд не бойся; да храм-то, храм-то большой каменный, да чтоб тёплый, не забудь строить! Бог тебя благословит!»

После второго визита к Оптинскому старцу Амвросию стало отцу Егору лучше. Страхи прошли, и в молитве стал он сосредоточенность иметь.

Вначале народ в церковь не ходил. Придёт отец Егор один, зажжёт лампаду перед иконой Царицы Небесной и один в пустом храме читает ей каноны и акафисты. А затем стали приходить люди.

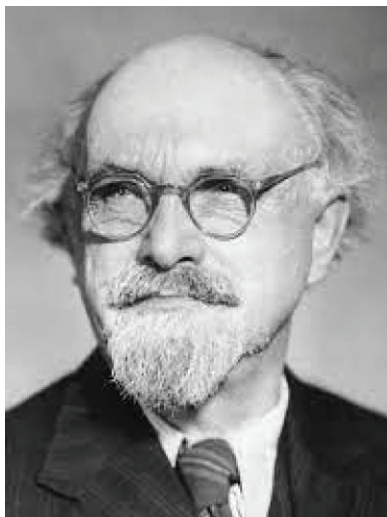
...А как умер старец Амвросий, то народ со всех сторон повалил в Спас-Чекряк к батюшке Егору.

И всё-таки построил он храм. Большой, каменный и тёплый, как и наказывал ему старец Амвросий. Да не только храм построил отец Егор. Больницу, приют для девочек-сироток, второклассную школу, гостиницу и несколько церковно-приходских школ. А начал он с того, что устроил в селе Спас-Чекряк небольшой кирпичный завод, а затем, когда денежный поток возрос, купил лесной участок. Вот и пошли у него дела. Построил ещё столовую, слесарную мастерскую, амбар, баню. А земли использовал под сад и пасеку.

Его пастырской и хозяйственной деятельностью возторгались многие современники. Особенно впечатлила второклассная школа, своим устройством, внутренним расположением и обстановкою, духом и общим направлением учебно-воспитательной работы, обуславливаемой личностью самого священника. (В эту школу принимали уже грамотных детей и после пятилетнего обучения выдавали свидетельство учителя земских и сельских школ.)»

Действительно Георгий Коссов устроил в селе в 1896 г. кирпичный завод, для паломников выстроил страннический дом, для больных открыл больницу. В 1905 году завершил возведение трёхпрестольного храма во имя Преображения Господня. Устроил в деревне приют для 150 крестьянских сирот. Дети получали не только образование, но и профессию. Мальчики – столяра-краснодеревщика, девочки – швей и кружевницы. При выходе в жизнь им давалось «приданое»: мальчикам – набор столярных инструментов, девочкам – швейная машинка «Зингер».

Святого при жизни посещал и классик русской литературы М.М. Пришвин, написавший очерк «Новая земля», где рассказывал и о святом колодце батюшки Егора, и вере почитателей подвижника, о чудесных случаях прозрения и излечения христиан.

М.М. Пришвин

Он записал услышанные им предание о святом: «Болховской вдове с малыми детьми, отец Георгий вручил двадцать рублей, наказав купить корову. Та стоила до ста рублей, и женщина отошла в печали. Но близ Болхова навстречу ей попался мужик с коровой, продавший её за те самые двадцать рублей. Об этом узнала завистливая соседка, имевшая корову. Она обратилась к батюшке с той же мольбой и получила восемнадцать рублей. Вернулась домой, а корова издохла. Бросилась назад, покаялась, Коссов простил её: «Ступай, да впредь людям не завидуй. А на деньги, что я дал, купишь новую корову. Так и случилось».

Святой Иоанн Кронштадтский высоко ценил о. Георгия. Приезжавшим к нему богомольцам он говорил: «Зачем вы приезжаете ко мне, ведь у вас есть батюшка Егорий».

13-16 августа 2000 года на юбилейном Архиерейском Соборе Георгий Коссов был канонизирован в чине священноисповедника. 9 декабря 2000 года в праздник Велико-мученика Георгия Победоносца – небесного покровителя батюшки – в селе Спас-Чекряк был найден гроб в дубовом саркофаге, а в нём – его останки, митра, кипарисовый крест, Евангелие в латунном окладе. Мощи были внесены в алтарь Спасо-Преображенского собора Болхова. Каждое воскресенье перед ними совершается молебен.

Кроме священноисповедника Георгия Коссова Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в августе 2000 года канонизировал ещё четырёх болховских святых, среди которых: священномученики священник Иоанн Панков и его сыновья – ученик Духовной семинарии Пётр и офицер Николай, зверски убитые красноармейцами в 1918 году в селе Усть-Нугрь Болховского уезда, а также преподобный Макарий (Глухарёв 1792–1847), просветитель Алтая, последние годы жизни, с 1843 по 1847 год, являвшийся настоятелем Болховского Свято-Троицкого Оптина монастыря.

Приехав в Болхов, он обнаружил, что даже городской голова не знал Символа веры. Начал просвещать народ. При этом он стал известен своей прозорливостью.

Почитавшие его жители Болхова рассказывали, например, что к нему в келью часто приходил мальчик по фамилии Илюхин, родом из мещан. Макарий заставлял его читать духовные тексты и во время чтения «скидал с себя шапочку и надевал её на него». Этот мальчик, когда вырос, стал архимандритом Мценского (Петропавловского) монастыря, Иоасафом.

Однажды в своей келье о. Макарий учил одну женщину как должно молиться за детей и внуков. В это время другая женщина рядом подумала про себя: «хоть бы батюшка сказал что-нибудь о моих братьях (а братья её были малолетние сироты). О. Макарий, стоявший к ней спиной, неожиданно произнёс: «Надо за них молиться Богу; Бог вытащит их из грязи – прежде одного, потом другого, а потом третьего» (их и было трое).

В другой раз о. Макарий велел одному мальчику высунуть язык, посмотрев на который сказал: «Ты недостойн читать слово Божие, потому что ты большой сквернослов». Мальчик пал в ноги батюшке, просил у него прощения и обещал больше не ругаться.

(Продолжение следует)

Валерий АНИШКИН

Гагарин и Николаев

Мы работали в Выставочном центре в «Сокольниках» недалеко от павильона, оставленного американцами после знаменитой, наделавшей шума выставки 1959 года, который официально назывался «Геодезический купол» Ричарда Фуллера, но москвичи называли его «ракушка». Здесь работали специалисты и переводчики из нескольких городов и царила свобода, которой не могло быть у нас дома. Народ не был привязан к месту так, как мы к своему письменному столу, из-за которого выходить решались только на перекур и по особой надобности. Здесь, например, кто-то мог пригласить другого в буфет, откровенно предлагая: «Пошли грамм по пятьдесят коньячку хлопнем».

Хотя в Москве всё было свободнее, чем в провинции, это я заметил, когда приезжал в командировки на головное предприятие, где меня в отделе наших кураторов обычно встречали словами: «Володя, вы ещё кофе не пили?»

Я кофе вообще не пил, я пил чай, но для москвичей, которые как-то незаметно отказались от чая и стали кофеманами, выпить утром чашечку кофе стало не только ритуалом, они научились ценить аромат кофе и вкус, а также открыли возможность взбодриться и даже сделать его поводом для общения. А ведь раньше чаепитие в Москве было не просто чаепитием, а явлением. И ещё в совсем недавние времена известно было выражение «московское чаепитие», а москвичей дразнили «чаехлёбами». Кто не помнит картину Кустодиева «Купчиха за чаем!», где дородная купчиха из блюдечка прихлёбывает чай с таким смаком, что так и хочется самому заварить чайник, да и выпить чашечку, или его же картина «Чаепитие на террасе!», где мы видим привычное семейное московское чаепитие. Но, как кто-то правильно заметил, бытовые привычки и пристрастия меняются вместе с прогрессом, который, как известно, не остановить...

«Нет, не пил», — отвечал я, и мы шли с третьего этажа в буфет, где, как я заметил, всегда толпился народ из служащих. Причём работники отдела даже не спрашивали разрешения начальницы и, казалось, что это какой-то семейный союз, где начальница стоит на одной доске с подчинёнными.

Мы переводили проспекты с английского, немецкого, другие переводчики и с итальянского, и японского. Чаще же ходили с нашими специалистами по стендам и помогали общаться со стендистами, которые представляли экспонаты своих стран.

На выставке, кроме печатных и копировальных устройств, брошюраторов, калькуляторов, механических точилок для карандашей и другого многообразия для работы в делопроизводстве, я впервые увидел шариковую ручку, которой пользовались все иностранцы вместо авторучки с чернилами. Стендисты, с которыми мы постоянно общались, встречали нас дружески, всегда предлагали виски, который доставали из холодильника, и щедро дарили нам эти замечательные ручки, а у нас их выпрашивали свои, и я помню, что у меня, в конце концов, у самого не осталось ни одной.

В закрытые для посетителей дни выставку посещали высокопоставленные лица или важные делегации.

В один из таких дней прошёл слух, что приехал Брежнев. Мы настроились посмотреть на генсека поближе и вывалились из своего павильона в надежде перехватить его в каком-нибудь из выставочных залов, но увидели группу людей возле «ракуш-

ки», которые направлялись в нашу сторону. Мы узнали Брежнева, Сулова и Андропова, которых сопровождала целая свита других, а кто из них кто, разобрать было сложно. Охранники, наверно, тоже не понимали, кто среди них свой, потому что в свиту вклинились те, кто работал на выставке, но статус их не был на лбу написан, и охрана нервничала.

Мы освободили проход и двинулись вслед за ними назад в Выставочный центр. Я как-то вдруг оказался в непосредственной близости от делегации, но меня остановил человек в штатском и спросил: «Молодой человек, Вы имеете отношение к делегации?» «Нет», — ответил я. «Тогда отойдите в сторонку!» — вежливо попросил меня штатский. Видно, моя комплекция не дотягивала до той солидности, которая позволяла сойти за своего. Я чуть отстал, но видел, что они пошли к конференц-залу, где демонстрировали документальные фильмы о выставке, и поспешил зайти с другой стороны, где тоже были двери. За мной последовал кто-то ещё. Мы вошли в зал и стояли в дверях, откуда хорошо видели, как Брежнев и другие сели в кресла перед экраном. Тут же началась демонстрация фильма, Брежнев что-то говорил Андропову, и тот молча кивал головой. Потом на столе перед генсеком появился, судя по цвету, коньяк и закуска, и он выпил рюмочку, потом другую. В дверях за мной уже толпились наши.

И вдруг я поймал себя на мысли, что мне становится стыдно. Я неожиданно поддался стадному инстинкту и бездумно, теряя лицо, бросился со всех ног глазеть на человека, отличающегося от меня всего лишь статусом, пусть даже это Генеральный секретарь. Я нарушил одну из христианских заповедей, а именно: «не сотвори себе кумира».

Говорят, что полностью независимым быть невозможно, но у человека есть возможность задавать вопросы и право сомневаться, а самодостаточность даёт независимость, и я гордился своей независимостью, без которой невозможна свобода.

Меня через голову позвал Андрис:

— Володя, тебя ищет ваш директор. Приехал вместе с начальником конструкторского отдела.

По дороге он спросил:

— Что, интересно?

И в его голосе я уловил иронию.

— Да ничего интересного, — ответил я, злясь на себя. — Как бараны вывалились из кошары.

— «Быть в стаде — основной закон и страшно лишь одно — из стада выпасть (*Аббат Бурэ. — Стадо. Стихи.*)», — серьёзно прочитал Андрис...

Но всё это не касалось Юрия Гагарина, потому что он открыл дорогу в Космос и стал легендой.

Когда мы узнали, что Гагарин на выставке, мы не могли пропустить случай увидеть этого человека.

Гагарин и Николаев шли по одному из павильонов в сопровождении генерала и директора выставки. Никакой свиты, окружающей космонавтов, не было. И охраны как таковой тоже не было. Космонавтам охрана не была нужна, потому что их искренне любили, ими гордились. Я помню, что Гагарин улыбался, и мы все тоже невольно улыбались. Космонавты шутили, а когда гиды стали подробно рассказывать о назначении и устройстве каждого экспоната, Юрий Алексеевич засмеялся и сказал: «Нам бы покороче! Нам времени отпущено вот, в обрез,

а посмотреть интересно!» К нему и реже к Николаеву подходили за автографами, и он никому не отказывал и размашисто расписывался на открытках, проспектах и просто листках бумаги, пока сопровождавший космонавтов генерал вежливо ни попросил дать им возможность всё же ознакомиться с экспонатами выставки. Я не осмелился подойти, чтобы попросить автограф только потому, что у меня ничего не оказалось с собой, на чём бы можно было расписаться, о чём жалею...

Через полгода Юрий Алексеевич Гагарин трагически погиб во время одного из тренировочных полётов. Я не мог не откликнуться на эту трагическую весть и написал небольшую заметку на смерть первого лётчика-космонавта, первого из землян преодолевшего притяжение Земли и вышедшего в космос. «Его жизнь была короткой, но ослепительной, как вспышка молнии», – написал я в заключение. Пафосно, но в этом случае по-другому я не мог...

Я помню день, когда ТАСС объявило о том, что наш человек в космосе.

Тогда я учился в Ленинграде. Весь последний месяц со мной творилось странное. Мне снился космос, звёздное небо, планеты и спутники. И при этом я всегда видел человека в скафандре. Он присутствовал в моих снах и навязчиво вставал перед глазами наяву. Лицо в скафандре вдруг наплывало на меня, но через доли секунды пропадало так же внезапно, как появлялось. Это неприятно действовало, раздражало и утомляло.

В этот солнечный и тёплый апрельский день я сидел на занятиях в предчувствии чего-то важного, которое должно было случиться, и уже знал, что это освободит мой мозг от навязчивых видений.

На вопросы я отвечал невпопад и находился в той степени прострации, когда всё становится неважным и ненужным. Я было уже хотел отпроситься с занятий, чтобы пройтись пешком, посидеть где-нибудь в тихом месте и прийти в себя, но услышал шум в коридоре, громкие голоса и отдельные крики, а потом дверь в нашу аудиторию распахнулась, в дверном проёме появился взъерошенный человек и громко возвестил:

– Чего сидите? Человек в космосе!

Вся наша группа в составе десяти человек повскакала с мест, мы быстро побросали книги и тетрадки в сумки и портфели и вывалили в коридор, вливаясь в толпу студентов и преподавателей, которые шли на улицу, а дальше на Невский. И мы бессознательно как сомнамбулы шли со всеми, заражаясь всеобщим ликованием. Народ заполнил Невский. Уже несли самодельные плакаты с надписями от души: «Ура Гагарину!», «Ух, ты!», «Все там будем!».

Все улыбались, пели, плясали, шутили и смеялись. Нас на демонстрацию никто не звал, всё произошло само собой, стихийно. В меня вдруг вселились восторг и гордость. Гордость от того, что наш русский человек оказался в Космосе и от того, что все мы, и я тоже, причастны к этому подвигу, как сограждане Гагарина.

Мы уже знали, что в Космос полетел гражданин СССР Юрий Гагарин, но теперь нас, кто не слышали сообщений ТАСС, волновали вопросы: кто он, первый космонавт Земли, как он выглядит, где родился, сколько находился в Космосе?

Все наши давно смешались с другими демонстрантами, и рядом со мной толкались незнакомые люди, но меня вдруг окликнул Игорь Политов с четвёртого курса английского отделения. На лице сияла счастливая улыбка, плащ расстёгнут, галстук съехал на сторону.

– Чувак, – обрадовался Игорь, – все куда-то подевались. Наших не видел?

– Сам потерялся, – сказал я. – Слушай, где газету купить? Посмотреть, должен же в газете портрет быть.

– Ты что, спятил? Там все газеты смели в момент. Очереди километровые стояли.

– Ты что-нибудь знаешь? – спросил я Игоря.

– Знаю, что космонавта зовут Юрий Гагарин...

– Это я сам знаю, – остановил я Игоря.

– Знаю, что он сделал один виток и летал сто восемь минут. Знаю, что ему всего двадцать семь лет и что он улета́л в Космос старшим лейтенантом, а прилетел майором, – выложил всё, что знал Игорь.

Позже мы, конечно, узнали и другие подробности о первом космонавте. Мы узнали, что летал Гагарин на космическом корабле «Восток», что родом он из простой крестьянской семьи, что он окончил лётное училище, служил на севере, стал космонавтом и что у него есть жена и две дочери...

А через день мы смотрели в общем зале общежития по телевизору торжественную встречу Юрия Гагарина в Москве. Он прилетел во Внуково из Саратовской области, где приземлился. Открытая машина с Гагариным, его женой и Хрущёвым ехала во главе кортежа из многочисленных машин. Первые машины сопровождали мотоциклисты. Толпы народа стояли по всему пути следования машин. Люди сидели на крышах домов, залезали на деревья и фонарные столбы.

– Смотри, смотри! – показал кто-то на экран. Телекамера высветила дерево, где на суку сидели ребяташки, а вместе с ними человек почтенного возраста в шляпе.

Сквозь ограждения выскочил кто-то из толпы и, подбежав к машине с Гагариным и Хрущёвым, вручил космонавту букет.

Это было спонтанное и действительно всенародное ликование, похожее на массовое помешательство.

Вечером мы сидели в своей комнате общежития, и все наши мысли были в Космосе. Мы обсуждали полёт Гагарина, говорили о космических полётах и спорили.

– Теперь на Луну, а там на Марс, – уверенно заявил Жора.

– Ну, до Луны ещё далеко, а до Марса тем более.

– Ещё ближний Космос нужно как следует освоить, – попытался охладить его пыл Яков.

– Скучный ты человек, Яков. Главное, что мы в Космос проникли, а остальное, как говорится, дело техники.

– Да, пипись, это здорово, что мы в космосе первые. А американцы пусть попробуют.

– Кишка тонка, – с удовольствием согласился Игорь. – Всё же здорово, что это мы, русские, а не американцы вышли в Космос.

Генрих обиделся и возразил:

– Ты говоришь так, как будто, если я немец, то радуюсь меньше, чем ты.

– Ты русский немец, – примирительно сказал Жора.

Генрих ничего на это не ответил и сидел на своей кровати насупившись.

Газеты писали о том, что впервые человек преодолел притяжения Земли и вышел в открытый Космос, осуществив вековую мечту человечества, и о том, что люди, перевернув мир, открывшие пути в неизведанное, подняли человечество на новую ступень творчества и созидания. А где-то я нашёл слова о том, что в истории цивилизации были и другие, значительные или менее значительные взлёты, которые дали всему человечеству толчок для нового самосознания. И нет разницы, в какой стране они осуществились, они всё равно принадлежат всей земной цивилизации. Человечество после таких взлётов стремится к единению, сплачивается и улучшается нравственно.

Я улынулся, вспомнив один шуточный плакат, в котором был заложен весь смысл нашего нравственного устремления:

«Перестань пить пиво! Подними голову к звёздам! Юра, мы исправляемся!»

Владимир ЕРМАКОВ

Заметки о НИГИЛИЗМЕ И НИГИЛИСТАХ

Владимир Александрович Ермаков (родился 6 июня 1949 года в Петушках Владимирской области, умер 2 июля 2024 года в Орле) ушёл на взлёте своего таланта, многое не успел сказать, поделиться с нами. Поэтому сегодня предлагаем познакомиться с его проникновенной публицистикой, с философскими размышлениями о суетности бытия...

Продолжение. Начало в № 66

5. СТРАДАНИЯ УЯЗВЛЁННОЙ ДУШИ

Всё, что было однажды, исчезает так безвозвратно, что живущим после кажется, что прежде ничего не было. По крайней мере, ничего такого, без чего нельзя обойтись. Чтобы покрыть убыток бытия, своих забот хватает с лихвой...

Убедительные свидетельства утраченного времени оставляют современники, думавшие поперёк общего мнения. В разногласии эпох авторитетны не те голоса, что поют хвалы божьему промыслу, а те, что (по старинному определению юроства) ругаются миру.

В литературной истории русского инакомыслия первым стоит протопоп Аввакум, нещадно обличавший неправду, отложившуюся в тёмных умах: *Дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть, и тля, и пагуба. («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.»)* Скрытый стержень риторики строптивного протопопа – ржавая игла нигилизма: ничтоже суть...

Полемике с действительностью в истоках русской классики продолжает публицистика Александра Радищева: *Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что то бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? (Александр Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву».)*

На другом конце литературной хроники та же тьма застит глаза Венедикта Ерофеева: *Я остался на площадке в полном одиночестве и полном недоумении. Это было даже не совсем недоумение, это была всё та же тревога, переходящая в горечь... почему за окном темно, скажите мне пожалуйста... о, какая чернота! и что там в этой черноте – дождь или снег? или просто я сквозь слёзы гляжу в эту тьму? Боже! (Венедикт Ерофеев «Москва – Петушки».)*

Что характерно, во всех выше цитированных текстах писатель и повествователь сливаются в одном первом лице; душа, уязвленная страданием, говорит от себя и о себе. Но страдает за всех и каждого.

Насколько русский человек, взятый в его историческом развитии, духом обращён к небесам и насколько душа его склонна к земным соблазнам – вопрос безответный. Все усилия мыслителей оказались напрасными, – видать и впрямь умом Россию не понять. Ближе к сути подходит родная литература. Однако у каждого великого писателя земли русской своя правда: и между собой они не вяжутся, и с прописными истинами ни одна не сходится. И чем выше критерии нравственности, предъявленные словесностью, тем дальше они, к несчастью нашему, от действительности. Все поражения идеализма в правах на действительность укрепляют в массовом сознании позиции нигилизма. Ни христианская вера, ни коммунистическая идея не смогли дока-

зать в историческом опыте своё соответствие условиям человеческого существования...

Тень ангела скользит по трепетной поверхности реки времени, едва угадываясь в зыбких очертаниях, а в тёмной глубине, в тихом омуте повседневной жизни, водятся черти. Видимо, именно от них, метафизических подонков, мы перенимаем злые мысли и подлые повадки. Знамо дело: с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Когда Николай Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» выразил убеждение, что русский народ абсолютно православный, абсолютно христианский, Виссарион Белинский, не простивший бывшему другу новообретённого фарисейства, возразил столь же убеждённо: *Русский народ – народ суеверный, а не христианский.* Оба оппонента, высказываясь противоположно, не сказали по этому вопросу ничего нового. Прения о вере были начаты в незапамятные времена, и конца им не видно.

Вопрос продолжает стоять ребром, не склоняясь определённо ни в одну сторону. Что такое в религиозном срезе русский народ: богоносец или богоборец? Бог весть. У специалистов по национальной идентичности выходит то так, то этак. Видимо, окончательное решение русского вопроса будет вынесено в конце истории. А пока гром не грянет, мужик не перекрестится; в основе народного характера не столько неверие в Бога, сколько недоверие Ему. В самом крепком выражении бесцельной и бессильной ярости – *в бога душу мать!* – странно смешаны ругательство и кощунство. Выразился в сердцах, и большой душе вроде как чутьточку полегчало...

Русская матерщина (*лая матерна*) – исконный язык народного нигилизма. Как писал летописец о дурных нравах “подлых людей”, – *сами учат детей блядословию.* А тем, кто сызмальства привычен к матерным выражениям, трудно вместить велеречивую риторику церковного языка; праведность для них не совместима с действительностью.

Юрий Левин, математик и семиотик, исчислил и изъяснил картину мира, существующего в сознании, моделированном выродившимся языком. *Легко представить себе мир, описываемый негативной лексикой, – мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором “всё расхищено, предано, продано”, в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят – но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием, – и всё кончается тем, что приходит полный [...]. (Юрий Левин. «Об обценных выражениях русского языка».)* Пожалуй, трудно изложить яснее суть русского нигилизма, осознающего обыденность как обречённость.

Человек, душа коего уязвлена страданиями человечества, в глазах обывательского большинства похож на душевнобольного. Таков Чацкий, герой пьесы Александра Грибоедова «Горе от ума». Осуждающий всех, он отчуждается всеми. На смену ему приходит разумный эгоист Базаров, литературное

явление рационального нигилизма. Но и он не смог надолго удержать внимание просвещённой публики, пресыщенной обличениями очевидного.

Идейный наследник Евгения Базарова – Иван Карамазов: ученик, прошедший дальше учителя. Если нельзя урегулировать раздор вероятностей, нужно урезать разброс возможностей, ограничив свободу человека осознанной необходимостью. *Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил.* Эта риторическая формула стала директивной установкой всех социальных экспериментов двадцатого века. С поправкой на то, что рискованную идею умника Карамазова проводит в жизнь циник Смердяков, – по своему разумению. Так что Достоевский, зрящий в корень зла, не напрасно тревожился за судьбу человека, уложенного на прокрустово ложе политической теории.

Понятие о нигилизме в общественном сознании современников Тургенева и Достоевского было смутным; одни считали нигилистов модными циниками, другие опасными чудаками. Но для беспокойной молодёжи, вечных студентов с уязвлённой душой и воспалённым разумом, нигилизм явился соблазном освобождения от житейской рутины. Выразителем смутных надежд переходного времени стал критический экстремист Дмитрий Писарев, а идеологом – аскетический максималист Николай Чернышевский. Их преданный читатель Василий Слепцов, поддавшийся гипнозу нигилизма, организовал в Петербурге коммуны – своего рода общежития “новых людей” обоего пола. Согласно замыслу, жизнь в коммуне должна была быть организована на социалистических началах. Однако, по мнению обывателей, артель больше напоминала бордель. И более того, когда в Петербурге случились большие пожары, общественное мнение заподозрило идейных нигилистов в целенаправленных поджогах. Почему нет? – от таких всего можно ждать...

В контексте споров о нигилизме язвительный Пётр Вяземский заносит в записную книжку следующее высказывание: *Есть на языке нашем оборот речи совершенно нигилистический, хотя находившийся в употреблении до изобретения нигилизма и употребляемый ныне вовсе не нигилистами. “Как вам нравится эта книга?” – “Ничего”. – “Довольны ли вы своим губернатором?” – “Ничего”. И так далее... (Пётр Вяземский «Старая записная книжка».)*

“Ничего”. Это донельзя банальное словцо, в котором всякий смысл рассеивается в семантической пустоте, можно назвать расхожим выражением латентного нигилизма, получившего художественное воплощение в творчестве Антона Чехова, – пожалуй, самого безыдейного автора русской литературы. Вот характерное замечание, в котором проявляется вырождение духовного содержания уходящей эпохи: *Нужно уважать и своё равнодушие и не менять его ни на что, так как равнодушие у хорошего человека есть та же религия.* (Антон Чехов «Записные книжки».) Этнос декаданса – терпимость ко всему, дурному и доброму. Ничего-с, как-нибудь обойдётся... Не обошлось.

Катастрофа, постигшая Россию, верующими современниками осознавалась как божья кара. А с точки зрения диалектического материализма пролетарская революция была закономерным крахом старого миропорядка, разъеденного изнутри коррозией мировоззрения. Согласно догмам марксизма, пролетарий суть нигилист в чистом виде, чьё историческое предназначение – уничтожение отжившего.

В те дни, которые Иван Бунин назвал окаянными, народ в большинстве своём решил, что на бога надежды больше нет, – и нигилизм в форме большевизма заполнил в массовом сознании пустоту богооставленности. Очевидец окаянных дней Василий Розанов свидетельствует: *И странно. Всю жизнь крестились, богомолились; вдруг смерть – и мы сбросили крест... Переход в социализм – и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой.* (Василий Розанов «Апокалипсис нашего времени».)

Диктатура пролетариата породила репрессивный режим, при котором следование моральному закону и нравственному долгу становилось делом рискованным. Выживание в жёстких рамках тоталитарной системы легче всего давалась латентным нигилистам, без зазрения совести меняющих убеждения на понятия. Внедряясь в кровь и плоть советской власти, нигилизм устанавливает неписанные правила жизни. Внутренняя оппозиция социализму избегает открытой конфронтации, предпочитая устраивать свой жизненный интерес в русле житейского конформизма. Причём так успешно, что с течением времени в устройстве государства от идеологии остаётся только фразеология. Постепенно правящая элита в большинстве своём оказалась в системной оппозиции к прежнему режиму власти, – и государственный проект под брендом СССР распоряжением сверху был объявлен недействительным. Как так вышло, никто тогда не понял. А потом стало не до того.

Советской власти не стало, но в нравственном устройстве нашего общества мало что изменилось по существу. Идеологией государства, лишённого социальной целесообразности, стала демагогия. В информационном пространстве все врут друг другу, но наваждение лжи не в силах захватить массовое сознание, – поскольку никто ни во что не верит. Вырожденная форма нигилизма – пофигизм, который метастазами ничтожности пронизывает ментальное тело современного консюмеризма (господствующей идеологии потребительства). – *Как жизнь? – Ничего; живём-поживаем, добра наживаем... А что сверх того, нам по фигу.* Другими словами, взятыми из сленга пофигизма – пусть власть предрержащая гонит пургу, а нам по хрену метель... И как бы ни ярились средства массовой информации, борьба либералов с патриотами по существу никого не задевает за живое. Включая тех нигилистов, которые играют в либералов и патриотов.

Но ничего не бывает долго. Всё, что не стремится стать лучше, становится хуже: ничего обращается сначала чёрт-те во что, а потом в ничто. Высшая стадия религиозного нигилизма – эсхатология: последняя надежда на конец света. Ибо нищим духом терять нечего. Пожалуй, смертная тоска уязвлённой страданиями души нигде не выразилась с такой отчаянной силой, как в песне Владимира Высоцкого «Кони привередливые»:

*Вдоль обрыва,
по-над пропастью,
по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю,
погоняю...
Чую с гибельным восторгом:
пропадаю, пропадаю!*

О, этот гибельный восторг, судорожное торжество мятежно-го духа, когда неизбежное поражение оборачивается пирровой победой... победой без победителей, не удержавшихся на краю существования.

Если среди шума и ярости, переполняющих пустое сердце современности, каким-то чудом найти свободное от страстей место, в наступившей тишине можно расслышать поступь истории; ритм времени похож на стук копыт. Четыре всадника Апокалипсиса, карательный отряд специального назначения, согласно директиве свыше придвигаются из кромешной тьмы к горизонту событий. Всё, что им противостоит в мире, разъеденном нигилизмом до самых основ – надежда, которая умирает последней.

Хриплый голос пропащей души, истерзанной напрасными страданиями, не то умоляет неотвратимое, не то заклинает немолчимое: *Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...*

Анатолий ПЕРЕЛЫГИН,
кандидат исторических наук,
председатель церковного историко-археологического отдела Орловско-Болховской епархии

Россия - не дойная корова

Политика дружбы народов в прошлом и её последствия

Победа над нацистской Германией и милитаристской Японией в 1941–1945 гг. была омрачена массовым голодом 1946–1947 годов. Несмотря на засуху и угрозу наступающего голода в СССР и странах Европы в 1946 году, советское руководство продолжало поставлять за рубеж дефицитные сельхозпродукты. Однако это не было злым умыслом. Советский Союз не торговал зерном ради получения валюты или золота, а выполнял свои международные обязательства и поддерживал страны народной демократии. В первом полугодии 1946 года было разбронировано из госрезерва 4,6 млн. тонн, в том числе для экспорта во Францию – 0,5 млн. тонн. Как отмечалось в сообщении по поводу подписании соглашения о поставках зерна во Францию, Советское правительство, «учитывая тяжёлое продовольственное положение во Франции и просьбу Французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику». Политическая направленность помощи понятна – поддержать французских коммунистов и повысить их престиж на выборах. Однако эта «щедрость» осуществлялась за счёт населения собственной страны. Помимо Франции в 1946 году зерно поставлялось в Болгарию – 85 тыс. тонн, Польшу – 608 тыс. тонн, Чехословакию – 30 тыс. тонн, Финляндию – 220 тыс. тонн, Румынию – 100 тыс. тонн, Берлин (летом 1948 г. в связи с берлинской блокадой) и другие страны. В это время, в 1946–1947 годы в СССР от голода умерло от 1 до 7 миллионов людей. По официальным данным голод унёс 774 тыс. жизней. Однако, по свидетельству очевидцев, нередко местные власти рекомендовали фельдшеру в справках о смерти писать, что умерли они не от голода, а от какой-нибудь болезни. Поэтому подлинных данных о количестве умерших от голода узнать невозможно. В ряде областей Украины и Черноземья были отмечены случаи каннибализма, в частности, на территории УССР с января по июнь 1947 года официально зарегистрировано 130 случаев людоедства и 189 случаев трупоедства. В целом в СССР увеличение числа умерших в 1947 году по отношению к 1946 году составило 44,8%. Это был последний массовый голод в СССР. И, конечно, не забудем фундаментальный факт: за первые 26 лет в СССР от голода умерло в мирное время по меньшей мере 11,5 млн. людей (1921 – от 3 до 5 млн., 1932–1933 – 7 млн., 1947 – 1,5 млн.). Каждый голод сопровождался массовыми случаями людоедства. Это абсолютный жуткий рекорд в русской и европейской истории. По данным Госплана, которые привёл Иголкин в своей статье («О проекте генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг.») потребление мяса в 1937 составило по самой высокой оценке – 18,3 кг на человека, молока – 134 литра на душу, а яиц – 43 штуки.

Для сравнения в Российской Империи в 1913 году, по самым что ни на есть низким оценкам, потребление мяса составило 29 кг, молока – 154 литра, а яиц – 48 штук.

В докладе ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н.А. Булганину об уровне потребления основных про-

довольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения приводится не такая уж весёлая цифра – 2814 калорий в 1954 году.

По потреблению калорий только в 1960 страна вышла на уровень Российской Империи. А по структуре потребления (оценка потребления белка) даже в 1960-м питались хуже.

В 1953–1955 годы СССР заключал новые торговые договоры, предусматривавшие экспорт зерновых (пшеница и рожь), среди прочих, с Албанией, Норвегией, Финляндией, ГДР (куда также вывозил и другие продовольственные товары), на экспорт сахара – с Афганистаном; в 1953–1954 продавал зерно и муку в Исландию, в 1954–1955 – зерно в Польшу, Египет, Чехословакию. В 1953 году одновременно продал «зернопродукты» в Индию, пшеницу в Данию и Италию, сахар и муку в Монголию, в 1954 – зерновые в Бенилюкс, в 1955 – зерновые в Австрию. Поставляя сельхозпродукты, а также сырьевые ресурсы, промышленную продукцию советское руководство, исходя из своих идейно-политических установок, рассчитывало на взаимность со стороны этих государств. С этой целью в конце войны Сталин добился сделать подарок полякам – это примерно 30% территории современной Польши.

Посмотрим на карту. Из всей германской Восточной Пруссии Сталин оставил нам по результатам Второй мировой войны лишь 25% её территории. Сегодня это Калининградская область. Восставшей в тылу Красной армии и дружелюбно встретившей Гитлера в июне 1941 г. Литве подарил 5%. А 70% всей немецкой Восточной Пруссии отдал Польше, с огромной береговой линией на Балтике! Кроме этого, сначала на Ялтинской, а потом и на Потсдамской конференции 1945 года Сталин настоял на передаче полякам и других восточных областей Германии, включая корневую прусскую землю Бранденбург и Восточную Померанию. Были переименованы старые немецкие города – Данциг, Штеттин, Бреслау и многие другие. Понятно, рисовать из тогдашних немцев невинных ангелов нельзя. Им просто повезло, что поляки не уничтожили их на новых территориях, как уничтожили больше 100 тысяч поляков на Западной Украине их немецкие подручные – бандеровцы. Одна «волынская резня» стоила полякам почти 60 тысяч убитых. Но поляки всего лишь жестоко переселили почти 5 млн. немцев с земель, отошедших им по велению Сталина. Так что после зачистки от евреев и немцев Польша стала сегодня абсолютной моноэтничной с точки зрения национальностей. В ней проживает аж 97% чистокровных поляков. И больше почти никого. Иосиф Сталин отдал Польше территории за счёт советской зоны оккупации, которая в 1949 году стала называться ГДР. И уж если западные немцы пока помалкивают насчёт возврата своих земель, то нам сам Бог велел вспомнить о возрождении ГДР. Никаких документов, подписанных главами государств-победителей насчёт «обнуления» ГДР в 1990 году в природе не существует! Под бумажкой стоит подпись всего лишь министров иностранных дел. Ни президента СССР Гор-

бачёва, ни президента США Буша-старшего, ни премьеры Британии Маргарет Тэтчер. Подарок Сталина полякам – это больше 100 тыс. кв. км территорий. По площади это почти три Бельгии. Или шестая часть территории Франции, или третья часть Италии. Казалось бы – чего им неймётся? Нет! Мало он им дал – вот ещё бы Белоруссию до Минска плюс Правобережную Украину с Киевом... Сегодня поражает патологическая ненависть правящих верхушек Польши, Германии, Англии, Франции и других западных стран, направленная против русских и российского государства. Их объединяет злоба, которая свои истоки берёт из истории прошлого этих государств, заполненной политикой кровавых захватнических, религиозных и гражданских войн, колониализма, расизма, фашизма и геноцида по отношению к русским, евреям, цыганам и другим народам мира. Запад всегда отличался тем, что с высокомерным пренебрежением и ненавистью относился к славянам и особенно к русским. Германский император Вильгельм, в 1914 году объявив войну России, именно тогда заложил основы нацизма, заявив: «Понимаю, что это плохо, но ничего не могу с собой поделать, потому что я ненавижу славян!». А позже, другой известный нацист, немец австрийского происхождения Адольф Гитлер прямо заявил, что «надо любыми средствами добиваться того, чтобы мир был завоёван немцами. Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого». Эту фразу Гитлера сегодня неплохо бы повесить на фасаде парламентов всех перечисленных фюрером славянских стран, страдающих исторической амнезией. Судя по решимости Гитлера, после победы над СССР весь славянский мир ожидала глобальная национальная «чистка».

Россия, входившая в состав СССР, оставалась основным источником помощи не только для зарубежных стран, но и большую помощь оказывала союзным республикам.

Из истории вопроса:

Сразу после образования Советского Союза в конце декабря 1922 года в новом государственном образовании был сформирован общесоюзный бюджет, а в его рамках постановлением ВЦИК от 21 августа 1923 г. – Союзно-республиканский дотационный фонд СССР, средства из которого стали направляться на экономическое и социальное развитие кавказских, среднеазиатских и других союзных республик, включая Украину. (*Образование Союза Советских Социалистических республик. Сб. документов. М.: 1972. С. 23-24.*)

Весь этот Фонд формировался за счёт поступлений из РСФСР (из союзных республик просто нечего было брать). В отличие от РСФСР, в бюджеты союзных республик полностью зачислялись сборы налога с оборота (один из основных источников бюджетных поступлений), также полностью оставался в республиках подоходный налог. И хотя российская экономика играла решающую роль в формировании упомянутого Фонда, дотациями из него она никогда не пользовалась. Как откровенно признавал в 1930-е гг. Г.К. Орджоникидзе, «Советская Россия, пополняя наш (Грузинской ССР) бюджет, даёт нам в год 24 млн рублей золотом, и мы, конечно, не платим ей за это никаких процентов... Армения, например, возрождается не за счёт труда собственных крестьян, а на средства Советской России». (*См.: Куличенко М. И. Образование и развитие Союза ССР. Ереван: Айтастан, 1982. С. 258.*)

Уже в 1924–1925 гг. доля средств центра, скажем, в бюджете Туркмении составляла 90%, а Украины – более 60%. Опубликованные отчёты Минфина СССР за 1929, 1932, 1934 и 1935 гг. показывают, что в указанные годы Туркменистану в качестве

дотаций было выделено 159,8 млн. руб., Таджикистану – 250,7, Узбекистану – 86,3, ЗСФСР (в её состав до 1936 г. входили Грузия, Армения и Азербайджан) – 129,1. В результате такой политики за период 1922–1972 гг. промышленное производство возросло: в Таджикистане в 513 раз, в Армении – в 527, в Узбекистане – в 239, Казахстане – в 601 раз. В 1975 г. РСФСР могла оставить себе 42,3% налога с оборота, в то время как Азербайджан – 69,1, Грузия – 88,5, Армения – 89,9, Таджикистан – 99,1, Киргизия – 99,2, Казахстан и Туркмения – 100.

Особенно ярко «затюканность» России видна на примере положения русской деревни. Замечательно, например, что в феврале 1930 г. ЦК принял секретное постановление, в котором запрещалось применять в национальных районах Средней Азии, Казахстана, Закавказья, Северного Кавказа и Бурят-Монголии те методы коллективизации, которые использовались в русских областях. По расчётам В.П. Попова, в военном 1944 г. в РСФСР средний валовой доход на колхозный двор составлял 8917 руб., 17% этой суммы уходило на прямые налоги (сельхозналог – 8,1%, военный налог – 8,9%), 9,2 % – на так называемые «добровольные платежи» (займы, лотереи). Аналогичные показатели по республикам Закавказья: Азербайджанская ССР – 14 530 руб., 6,4% (2,6 и 3,8), 7,4%; Грузинская ССР – 20 199 руб., 8% (3,6 и 4,4), 5%; Армянская ССР – 16 325 руб., 6,9% (2 и 4,9), 5,1%. По данным Г.И. Литвиновой, в 1951 г. смоленский колхозник за один трудодень мог получить 890 г зерна и 17 коп., эстонский – 1 кг 830 г зерна и 1 руб. 50 коп., а таджикский – 2 кг 40 г зерна и 10 руб. 05 коп. Стоимость валового сбора продуктов растениеводства за один трудодень по закупочным ценам в Центральной России в 1950-х гг. была в 10 раз ниже, чем в Узбекистане, и в 15 раз ниже, чем в Грузии.

Но и сравнение жизни в городах было не в пользу России. В 1988 г. этнографы В.В. Коротеева и О.И. Шкаратан писали в академическом журнале «История СССР»: «На текущий момент состояние социальной инфраструктуры в крупных городах РСФСР существенно хуже, чем в столицах и других крупных городах большинства республик. Что особенно печально, Москва – столица СССР и величайший город России – по показателям развития социально-культурной инфраструктуры оказалась в седьмом десятке [!] городов страны». М. Мамардашвили, любимый «философ» отечественных свободолюбцев. В сборнике «Как я понимаю философию». М.: «Прогресс» – «Культура», 1992 писал, что он не хочет возвращаться в СССР по многим причинам, в том числе и по этой: «Посмотрите на тбилисские дома, тротуары. Грязные дома, обветшалые ворота, зато внутри благоустроенные квартиры, забитые вещами, высококачественной импортной аппаратурой. Эта атмосфера отражает самоуважение грузин, которое отсутствует у русских. Русские готовы есть селёдку на клочке газеты. Нормальный, невыродившийся грузин на это неспособен. Принимать нищую русскую жизнь – ниже собственного достоинства грузин... Я долго жил в России и пишу не только по-грузински, но и по-русски. Но во мне намного сильнее антирусское начало, чем в наших антирусских политиках, поскольку они принимают исходные данные проблемы, саму зависимость от внешнего врага, на которой они слишком сосредоточились. Они не замечают, что зависят от решений русских относительно самих себя. С этим надо решительно порвать. Мы должны отделиться. Хватит вместе с русскими страдать и вместе с ними жить в дерьме!».

Что можно на это сказать. Следует уважать стремление маленьких гордых наций жить свободно, без русских! Желательно бы ещё – без русских денег.

«Это как второй прыжок с парашютом»

Орловский спецназовец Смог, выбранный в 2026 году нашими читателями Человеком года, рассказал «Орловским новостям» о своём боевом опыте, в том числе – о легендарной операции «Поток».

– Расскажи о своей службе до «Ветеранов».
 – Служил в «Витязе» (*подразделение спецназа Росгвардии. – Прим. ОН*) с 2010 года по 2013-й. В 2014 году мы были переброшены на Донбасс в качестве добровольцев. Застали активную фазу Славянской операции и ещё пару операций. А в конце 2015 уже Сирия началась, работали в провинции Латакия. Потом был Казахстан и СВО.

– Казахстан – это когда был переворот и российский контингент туда входил?

– Да, мы входили туда. Активного ничего не было, просто шёл вывод определённых людей наших оттуда.

А на СВО мы заходили в Сумскую область, дошли до Тростянца (*город в 60 км к югу от Сум. – Прим. ОН*). Занимались там национальным парком, потом вышли на Харьковское направление, в Циркуны и Озёрное, которое около Купянска. Сейчас за него бои идут, но тогда не было боёв, Купянск так забрали. Потом был Изюм, потом застал вывод войск.

– Как проходил выход из Харьковской области?

– У нас была точка стратегическая – Циркуны, правый фланг наш. Её провалили. ВСУ начали нас отрезать. И мы уже уходили дорогой на Луганск. Все, кто пошёл купянской дорогой, были отрезаны. Большинство – уничтожены.

– Тогда же, в 2022 году, было много информации про «Рокот-Орёл». Ты имеешь к этой теме отношение?

– Это проект, который готовился под частичную мобилизацию. Когда стало понятно, что она будет, все поняли, что нужна подготовка. Знания, которые тогда преподавали в общевоинском формате, не годились. Поэтому нас выдернули с линии боевого соприкосновения для подготовки.

Это не только я, по многим городам то же самое делалось. Началась подготовка. Я сразу всем объявлял, что это временное течение. Оно не будет бесконечным. Нас призвали, мы эту тему развили и передали последователям.

– А ваши последователи – это кто?

– Бригада Катукова зашла на наш полигон.

– Это ваш полигон?

– Да, он под нас выделялся. Тогда ещё решался вопрос с МВД, с генералом Савенковым. А дальше должно было быть какое-то развитие. Мы предполагали сделать кадетские корпуса или классы. Как эта тема развивается, не знаю. Так понимаю, что она в политический формат перетекла и долго не просуществует.

А раньше была договорённость у меня лично, что мы можем войти в тероборону. Большинство парней, которые остались там тренировать, прогонялись мной через Горячий Ключ. Я тогда был нормально знаком с первыми лицами ЧВК «Вагнер», и у меня была договорённость, что наши ребята ездят к ним в Горячий Ключ.

– А Горячий Ключ – это что?

– Краснодарский край. База подготовки ЧВК «Вагнер».

Все основные инструкторы, которые здесь потом остались, ездили туда.

А в 2023 году началось контрнаступление ВСУ. Нас перекинули в Запорожскую область. Был командующий 58-й армии Спартак (*генерал-майор Иван Попов. – Прим. ОН*). И нас перекинули туда для подготовки групп. Это были времена,

когда зашли первые Брэдли, Леопарды. Мы застали весь контрнаступ там, на Запорожье.

Была подготовка и завод групп, подготовка обороны. Товарищ Спартак сам лично ездил по всем позициям.

В принципе, сдержали противника. Была определённая концепция создана. Сдержали.

А потом нас в Крынки перекинули (*Херсонская область, населённый пункт около Днепра. – Прим. ОН*). Туда украинские ДРГ пошли. Большинство попадавших в плен групп говорили, что проходили подготовку на базах SAS (*британский спецназ Special Air Service. – Прим. ОН*). Это морская тема, они там протоки наладили, снабжение. Зашли в Крынки и до Нового года там окопались.

– А как из Херсонской области оказались в Курской потом?

– Вышли из Херсонской области. В Курской также готовили группы, периодически нас выдёргивали на запорожские полигоны. Готовили группы, которые будут заходить в буферную зону и закрепляться там.

А потом начался Курск. Мы заходили через Рыжевку, это где Тёткино. Работали в оперативных группах, пока были люди, которые сидели в Судже и корректировали нас. А потом уже стартовал проект «Орловские добровольцы». Думали, Курская область, соседи. Надеялись, что как-то включится наша область в эту тему, если с теробороной всё провалилось.

– А какая поддержка требовалась на тот момент от орловских властей? Учитывая, что они гражданские.

– Хотя бы что-то здесь на местах решить. Когда тероборона создавалась, я предлагал здесь официально сделать какую-то оперативную группу. С Росгвардией, например, заключить договор, что оружие у них хранится, а когда провокация на границе – берём оружие и выезжаем.

Но не только это. Ещё оперативная работа с местным населением. В Брянской области – приграничной, например, кумовья взад-вперёд ходят. Поэтому куча ДРГ спокойно туда заходят.

Но нам тогда отказали, и на Курскую землю мы заходили в составе «Ветеранов» с отрядом орловских добровольцев. Ещё даже роты нашей не было, ничего не формировалось. Когда активная фаза произошла, нам отдали вторую роту. Так мы начали активно работать.

– Ты до сих пор также в «Ветеранах»?
 – Да, командир второй роты.
 – Расскажи об этой бригаде. Когда последний раз у Пути-на прямая линия была, он отдельно выделял вас и говорил, что нужно сделать бригаду гвардейской.

– Когда вообще «Ветераны» появились и в чём отличие бригады от других?

– Бригада «Ветераны» появилась на базе «ДОНа». Тоже была бригада с Добровольческого корпуса. Участвовали в боях за Авдеевку и Торецк (ДНР. - Прим. ОН), проявили там себя. Когда, кстати, вагнеры уходили, большинство позиций под Бахмутом именно они забирали. А я у них с лета 2024 года. И уже скоро два года будет.

– Орловские «ветераны» – твои люди?
 – В принципе, да. Орловские, наши.
 – Расскажи тогда об операции «Поток». Как это всё начиналось, на каком этапе вы получили информацию о ней?

– Подготовка к операции с осени ещё началась. Задачей нашей роты были штурмовые действия. Другие роты готовили. Естественно, потом люди из других рот тоже участвовали в боевой составляющей.

Готовили, готовили. Потом всё застопорилось из-за того, что давление в трубе было очень высокое. Но товарищи из Евросоюза под Новый год сами отказались от газа. Были все вентиля закрыты, давление упало. Это сделало возможным заход в трубу и подготовку к штурму.

– Как удалось в секретности сохранить операцию? Учитывая, что везде интернет, у всех мобильники, у противника бюджет неограниченный...

– Только наша бригада занималась. Хранилось всё в секрете и не подпускали никого. Ну и место захода было в серой зоне. Активность противника там была большая, особо туда никто не совался. Это была наша зона ответственности.

Дней за пять союзники, которые с нами заходили, тоже узнали об операции. И то – это командиры рот, комбаты, комбриги. После объявления стали взводы формироваться.

– А кто был кроме «Ветеранов» и ВДВ?
 – «Ветераны», 11-я бригада ВДВ, 30-я мотострелковая дивизия, группа спецназа Аида («Ахмат»), бригада «Восток» Добровольческого корпуса.

– «Восток» – это бывшие вагнеры?
 – Да, Зомби у них командир.
 – Как в таких условиях себя люди чувствовали и вели? Остатки газа, наверняка, были в трубе.

– Там прочищено было практически всё. На трубах оставалось что-то вроде сажи. Чуть воздуха не хватало. Когда начинались заторы, воздух выжигался. А когда стали растягиваться, нормально стало. Вентиляции чистились, шёл артобстрел постоянно. Кто не мог, их сразу оттягивали. У каждого со здоровьем свои проблемы. Кто-то обнаружил, что боится замкнутых пространств. Такие люди сразу оттягивались, чтобы беды никакой не случилось.

«Тридцатка» и «Ахмат» первыми заходили, они почти неделю там сидели. Мы чуть поменьше – пять дней. Частями заходили и распределялись, чтобы воздуха хватало.

– А когда вы вышли на поверхность, что вы брали?
 – На воздух утром вышли. Команда в четыре утра была. Крышку вскрыли, начали выходить. Первыми выходили «Тридцатка» и «Ахмат», они нам тыл должны были прикрывать.

А мы и 11-я бригада выполняли основные действия по зачистке «промки». Отрезали ВСУ в хуторах Княжий и Кня-

жий-2. Сыграл эффект неожиданности, быстро их отрезали.
 – У них была паника, когда они поняли, что русские в тылу?

– Сначала они ошалели. Ходили с тележками от «Пятёрочки» и увидели чёрных человечков, которые бегают. Потом начали активно сыпаться, отступать. Неразбериха полная.

Если бы с Мартыновки, где основные силы у них стояли, начали бы подтягиваться, нам бы не поздоровилось. Но так раз один из флангов прикрывали «Тридцатка» и Аид.

– Вы выходили прямо в промзоне Суджи?
 – Мы вышли недалеко от промзоны, где мост и въезд в Суджу. Много в сети было фоток с вывеской «Суджа». А мы заходили правее. Там поле и резервные окопы. Мы по этим окопам и прошли в «промку», зачистили её.

– Это же всё заранее готовилось?
 – Конечно, вся операция была продумана до мельчайших деталей. Мы зашли им в тыл. Если бы определённые их силы начали бы подтягивать технику, нас бы могли и отрезать.

– Вы в этот момент в окружении находились же? Сколько вам пришлось там держаться?

– Да, мы вышли в тыл. Задача была отрезать Княжий и Княжий-2. Держались до 13 числа. Были уже в районе Гончаровки, приграничная территория.

– За несколько дней было освобождено двузначное число населенных пунктов. Их освобождали другие подразделения, которые были на земле всё это время?

– Когда мы зашли, артерия им была отрезана, тыл начал сыпаться. Наверху определённые люди знали, что будет операция по заходу в тыл. И армия начала масштабно наступать. Было всё объявлено, прогремело, информационка подключилась. Грамотно организованная операция. Со всех флангов начали давить.

– Подразделения ВСУ, которые там оказались, были элитными?

– Суджа была тыловой зоной. Там было много групп БПЛА элитных, попадались десантно-штурмовые подразделения. Наёмники лично нам не попадались, но многие из тех, кто попадался, проходили обучение за рубежом.

А так... аналог наших мотострелков. Они в основном занимаются фортификационными сооружениями. Первыми попадались.

Интересные персонажи были раньше, когда они в Афанасьевке контрнаступ проводили. В основном попадались наёмники-американцы, из Европы. Оружие в основном немецкое. Шли отчаянно.

– А что по потерям в операции «Поток»?
 – Потери были минимальными. В моей роте было только два двухсотых. И то, это на последних выходах кассетами начинали накрывать. И два замыкающих парня попали под кассеты. Там без вариантов. А сами штурмовые действия моя рота прошла без потерь. Но раненные были.

– Есть мнение, что к началу операции «Поток» группировка ВСУ уже была приговорена. Что им и так немного оставалось. Правда это или они могли ещё долго там удерживаться? Насколько «Поток» сыграл роль в скором освобождении Курской области?

– Перед операцией «Поток» было несколько попыток контрнаступа, прорывов наших флангов. Если бы их группировка сворачивалась, они бы не предпринимали бы такие активные действия по прорыву флангов.

Стояли они плотно, логистика была налажена. Из Сумской области нормально всё ехало. И Суджа была укреплена.

– То есть, сами они уходить не собирались?

– Да никто не собирался. Им нужно было присутствие в Курской области. Даже исходя из политического момента. Им давались дотации и оружие из ЕС. Пока они здесь находились, их нормально спонсировали.

– После освобождения Курской области вы заходили в Сумскую?

– Да, в Сумской области сейчас работаем. Пока позиционная борьба. Нужно было двинуть фронт и сделать буферную зону.

– Задача считается выполненной или ещё российская армия будет там продвигаться?

– Главнокомандующий сказал: буферная зона 50 километров будет. Сейчас физически это не сделаем – по погоде.

– По Орловской области можешь подробнее рассказать, что не сложилось? Сейчас катюковцы помогают полиции в охране общественного порядка, но ты, когда говорил про оперативную группу, совсем другие вещи упоминал.

– Задачи оперативной группы были в соприкосновении с ЛБС и боевой работой. Со временем она могла бы перерасти в звенья ликвидации дронов. Как сейчас: мобильные зенитные группы, которые могут двигаться и спокойно просчитывать маршруты дронов. Об этом много раз разговаривали, но «моя хата с краю», «Орловская область не граничит ни с чем». А теперь мы пожинаем плоды этого. Надо всё время опережение работать. «Бригада Катюкова» занялась работой народной дружины. Ходим – сами себя охраняем.

– Но они говорят, что выращивают добровольцев для СВО. Человек 50 уже, вроде. Медиков хороших готовят, бэпэлашников.

– Не знаю, что они там выращивают. По факту, когда полигон открылся и мы уже были в активных действиях на Запорожье, мне позвонили и сказали, что «Рокот» – всё, будет «Бригада Катюкова». Но я и говорил, что «Рокот» – это временное течение.

Потом я понял, что это просто пиар-ход определённый. Орлов просто идёт в политику. Я не осуждаю. Может, это его путь был. Но дела, которые начинаешь, надо до конца как-то доводить.

А по поводу медиков... Вот эта модная «тактическая медицина» по факту... Расскажу случай.

В Крынках меня задело чуть-чуть волной. Подташнивало. В эти моменты в основном нужно прокапаться. Меня оттянули и вызвали тактического медика. Медик, кстати, проходила подготовку у Евича (*известный российский инструктор. – Прим. ОН*). Она мне не смогла просто капельницу поставить. Аргументировала это тем, что она тактический медик, а капельницу должен ставить фельдшер... И куча таких моментов, «воды». В итоге это разгребают реальные военные медики, которые просто круглосуточно на ногах.

У меня всегда спрашивали в Орле, как получить нужные медицинские знания. Я всегда говорил: у нас есть медицина катастроф. Там есть образованные люди, туда приходите и проходите курсы. В тактической медицине тоже есть, что послушать. Но это просто лекция. На практике процентов 80 из этого не пригождается. А оставшиеся 20 процентов – это наложение самому себе жгута. Но когда получаешь слепые осколочные ранения, когда реально прилетает, то тебе не до жгута. Оказание самому себе помощи – это то ещё удовольствие.

– Ты ещё не упомянул о своей работе в Белгородской области. Вы обороняли Грайворонский район?

– Да, одно время были там прикомандированы, там рабо-

тали. У ВСУ были набеги. Больше информационная борьба: зашли, село разгромили, пофоткались, вышли.

– Возвращаясь к Курской области. Почему там случилось такое массовое вторжение? Известно, что под суд пошли вице-губернатор, Корпорация развития, предприниматели. Они реально виноваты?

– Я думаю, что это чисто бюрократическая составляющая. Когда строят, особо не считают. Все улыбаются, деньги идут. А когда беда происходит, начинается разбирательство. Не без греха у нас всё в этой сфере.

По Курску я ездил, где они зашли. Это была спланированная операция. Заходили грамотно, боевыми кулаками. У нас в России всегда ищут крайнего вместо того, чтобы исправлять ошибки. На войне никогда не надо говорить, что кто-то виноват. Она меняется постоянно, нельзя предугадать.

Я помню наш полигон между Суджей и Коренево. Там ничего не летало, буферная зона была. Но они бросили туда силы. Мы такую же акцию можем осуществить, но это бессмысленно. Думаю, что всё это было ради получения зарубежного финансирования. А когда в Курске ВСУ провалились, то и на других фронтах то же самое стало происходить. Начались разборки о том, куда деньги ушли.

Но нам виновных не надо искать. Это не какой-то завод, где идёт конвейерное производство и все операции отлажены. Это человеческий фактор.

– А сейчас что на СВО происходит?

– Сейчас позиционная в**на (*Роскомнадзор запретил российским СМИ называть СВО войной. – Прим. ОН*). Дроновая. Со стороны Волчанска и Купянска наши силы наступают. И в Запорожье тоже. Пока в таком формате. Плюс переговоры немного тормозят всё.

– Как переговоры влияют на боевой дух и на настроения в армии?

– Все понимают, что это временное явление и манипуляции.

– В мирное решение никто не верит?

– Ну, если нам отдадут территории, то всё закончится. Любая война когда-то перерастает в контртеррористическую операцию. Будут, конечно, провокации со стороны остатков ВСУ и нацбатов. Нужны будут оперативные группы для последующей работы.

– А Орловская область слишком далеко от зоны СВО? Или есть маршруты, по которым ДРГ могли бы дойти до Дмитровского района, например?

– Многие бывшие контрабандисты работали по приграничью. Где гарантия, что они не могут, например, машину приготовить для группы? По гражданке можно пройти. Если очень сильно захотеть, то это можно сделать. Поэтому не очень далеко Орловская область. Но сейчас время технологий. Они просто реактивные дроны запускают.

– По поводу твоих бойцов хотел спросить: кто эти люди и кем они были до СВО?

– Есть два вообще молодых парня после армейки. Кто-то в сервисе трудился, кто-то водителем. Когда клич был, собрались. Подтягивали не бывших сослуживцев, а людей из народа. На сарафанное радио расчёт был. Чтобы люди могли возвращаться на гражданку и рассказывать, что у нас происходит. Ливенский парняга, например, вернулся, поговорил со знакомыми. И сейчас трое из Ливен к нам приехали.

– Вопрос по адаптации участников СВО в мирной жизни. Были на самом высоком уровне заявления, что ветеранов будут брать на большие руководящие должности (при усло-

вии, что ранее был управленческий опыт). Но в Орловской области была история с Владимиром Строевым, руководившим «Орёлстроем» и участвовавшим в СВО, который захотел стать спикером горсовета. И в его собственной партии сделали ставку на другого кандидата. Как ты думаешь, разговоры о продвижении участников СВО были популизмом или это чисто орловская специфика?

– Мне кажется, что Строева просто побоялись. И ещё многие побоятся. Оттуда на эту сторону когда смотришь, некоторые вопросы по-другому в голове перекручиваются. В сторону справедливости. Думаю, что ещё некоторое время будут побаиваться запускать во власть боевых людей.

– А у тебя какие планы после СВО?

– Ну закончится СВО – начнётся что-то ещё. Я не грежу политическими моментами, неинтересно. Вообще, я думаю, что людям, которые давно и профессионально всем этим занимаются, будет нелегко в общество вернуться. На Руси даже были слободки воинские. После каждого похода воинская каста отдельно жила. Между гражданскими и военными всегда был и будет барьер. У многих людей, которые там побывали, чуть-чуть и с психикой проблемы. Сейчас, когда массово военные вернутся, мы столкнёмся с проблемой.

Особенно, это касается мобилизованных, которые были оторваны от семей. У них всё было хорошо: семьи, дети, работа. Они пришли в зону СВО, и с осени 2022 года они просто не вылезают оттуда.

Если же брать первые отряды «Шторм Z» (*отряды спецконтингента, получившие помилование за участие в СВО. – Прим. ОН*), то там некоторые просто полгода просидели в окопе и домой вернулись.

Многие матёрые уголовники, у которых срока по 20 лет, через это прошли. А сюда когда они приходят, постоянно права качают. Парни, вы читали контракт? Вы приехали за помилованием и ни на что больше не претендовали. Вы оставили срока. За торговлю наркотиками, за убийства людей. Вам бы вообще сидеть и молчать.

– Ты имеешь в виду последнюю историю с попыткой суицида вагнеровца?

– И её, и вообще. Записывают какие-то видеоролики. Всегда с войной есть несправедливость какая-то. И с Афганом так было, и с Чечнёй. Люди, которые на войне побывали, не коннектятся с чиновниками, которые в соцзащите сидят. Должны создаваться ветеранские организации, через которые люди будут проходить. Если военные будут ими руководить, то они смогут как-то адаптировать других к мирной жизни. Тогда мы победим, в том числе и преступность, которая, конечно, будет. Из бойцов «Шторм Z», которые сюда вернулись, процентов 70 уже обратно сели. Причём, по громким делам. Переплёвывают то, что у них было.

– А разница вообще есть между солдатами с судимостями и без? Допустим, когда к вагнерам много внимания было привлечено, ходили разговоры, что один судимый за тяжкое преступление стоит десятых мобилизованных.

– Это просто пропаганда. Я знаю некоторых людей, которые были там командирами отрядов. Сам Девятый (*Дмитрий Уткин. – Прим. ОН*) говорил, что боец ЧВК «Вагнер» должен два-три контракта отслужить. А заключённые – это проект. Они при «Вагнере» были всегда. Их так и называли проектантами. Кто отвоевал и остался, тот принимается в семью.

Если у человека нет опыта и образования военного, то его разве что дерзость может отличать. С каждым боем страх не исчезает, ты просто к нему привыкаешь. И он даже усилива-

ется, потому что ты уже знаешь, что там будет. Это как с парашютом прыгнуть. Первый раз прыгнул и не понял ничего. Самый страшный прыжок второй, когда ты в рамку заходишь и у тебя всё подкашивается. Так и там.

Когда они воевали, у них шёл бесконечно накат. И постоянно новые звенья заходили. И там была большая удача в том, что люди не понимали, что их там ждёт. Работали, как их подготовили. Была смелость, дерзость. А следующие бои уже тяжеловаты.

– А когда они на Москву пошли, ты был на Запорожье? Как в армии тогда это воспринималось?

– Скептически. Тогда ВСУ везде пытались прорваться. И в это время оголить тылы и пойти в другую сторону... Все армейские восприняли это как предательство. Понятно, что там несправедливость какая-то была. Но не таким образом всё это надо было решать.

– А ты в «Ветеранах» доброволец?

– Мы входим в Добровольческий корпус, но это всё в казначейках. Мы напрямую подчиняемся ГУ ГШ (*бывшее ГРУ. – Прим. ОН*). Их отряды всегда существовали. Многие орловские парни там служили. Ещё в 1984 году были разведбаты, присоединённые к определённой бригаде ГРУ. И также во Вторую чеченскую были контрактники. Сейчас это добровольчеством называют. Но как нас не назови, мы выполняем задачи Управления по защите государства.

Когда началось СВО, мы пришли добровольно. У нас были соглашения, я много раз так работал. Ты являешься гражданским лицом, но выполняешь задачи Управления. В 2014 году такая же тема была. Там мы тоже были добровольцами. Была поставлена задача сохранения целостности Донбасса. Мы зашли, когда Стрелков Славянскую операцию делал.

– Ты входил в число «трёхсот стрелковцев»?

– Нет, у нас другие задачи были – три операции, а потом мы вышли.

– Как изменились боевые действия за 12 лет? Со Славянска до Суджи.

– Да они каждый месяц меняются. Даже дальностью полётов дронов. Когда мы в Суджу заходили, в основном тогда FPV-дроны на радиосвязи. А потом за восемь месяцев «волокну» развилось. Много ночных дронов появилось.

Война шагнула в технологическом плане. Куча штабов. Из штаба видишь продвижение групп. Раньше ходил головной дозор и делал дорогу. Сейчас тебя ведёт дрон. Позиции или здания разбираем дронами, потом уже заходят штурмовые группы. И их тоже ведёт «птичка», говорит, как передвигаться.

Конечно, у противника это раньше начало развиваться. С 2014 года. У них нацбаты воспитывались с тех пор, как им было по 14-15 лет. А в Орловской области, например, патристическое воспитание молодёжи – это только отчёты. Молодёжь пригнали, сфотографировались и всё. Бывают какие-то инициативы, но держатся на одном человеке. Человек тратит своё время, но регионалам это не надо.

– Может, это связано с тем, что губернаторов назначают на время из Москвы. Потом они всё равно уедут все.

– Я считаю, что губернатором кто-то орловский должен быть. Тот же Строев, например. У него и опыт есть, и из Москвы наверняка поддерживали бы. Или Рыбаков – реальный управленец, к нему на Лесоторговую придёшь: чистота и порядок всегда...

Павел НЕСМЕЛОВ

© ООО «Региональные новости»

Александр КОБРИСОВ

КАНОН

В деревне Бог живёт и по углам,
и по церквам, и в человецех — всюду!
В ком истина с грехом напополам,
да удивится явленному чуду.

И в городах незыблемым главой
Бог с верными стоит за Общим Делом
и входит в них, предвечный и живой,
Христовой Кровью и Христовым Телом.

Он растворён в природе: на ветру,
в песках, морях, во льду, на горном пике,
в зрачках гюрзы и в сумке кенгуру,
в парении орла и львином рыке.

Конечно, Бог — у каждого в душе,
хоть это штамп довольно пошлой пробы.
Но верит люд в расхожие клише,
чтоб оправдать духовные хворобы.

И если в ком-то я огонь разжёт
полемики недоброй и речистой,
пусть знает, тот не Бог — пустой божок,
кто выдуман в стихах у атеиста.

НА ДЕНЬ МЕГАПОЛИСА

Что мы делаем, мчимся куда мы?
Чернозём заковали в бетон,
и жилища, как новые храмы,
раздели в узорный хитон.
Что за раж, господа?! Погодите!
Мне за вами и вскачь не поспеть.
Отпустите меня, не ловите
в электронно-бездушную сеть.
Под ярмом небоскрёбного чуда,
ваших пикселей, байтов и бит,
словно выходец из ниоткуда,
я исконен, дремуч и забит.
Ни к чему мне куда-то в «Сапсане»
поспешать за четыре часа.
Мне б гнедых в тихходные сани,
в полудрёме глядеть на леса,
постигать безглагольность природы
и её молчаливый покой
да писать старомодные оды
на бумаге изящной строкой.
Пусть я буду наивен, как дети, —
много нужно ли мне, простаку, —
не хочу я успеть всё на свете,
всем разжиться на этом веку.
Ни богатства, ни славы не надо.
И любви я земной не прошу.
Мне за счастье — простая баллада
в такт негромкому карандашу.
Не приму я золотые чертоги,
что разьест вездесущая тля.

Мне б на лоно, где к небу, как боги,
всходят ели и льнут тополя.

ЖЕНЩИНЫ В ТОЧКЕ НАДРЫВА

Не здесь — не в родимой неспешной России,
где дали прозрачны и чист небосвод,
а в гордой и огненной Андалусии
мятежное женское племя живёт.

Тут ходит Настасьюшка по воду павой
и с ласкою гриву плетёт жеребцу,
и доит, и косит, и жнёт величаво,
и сына растит на подмогу отцу.

А там жаркой ночью бушуют стихии
и бойко стучат по камням каблуки,
и падают ниц кабальеро лихие
по взмаху жестокому женской руки.

Как пеньем своим на святой литургии
ты, Софьюшка, душу голубила мне!
И долго за мною псалмы золотые
летели, звеня, наяву и во сне.

Но плачет Гранада, но стонет Севилья
от танца цыганки с надменной главой.
Та юбку взовьёт, будто выставит крылья.
Ни дома, ни мужа — лишь путь кочевой.

На грани скандала, на точке надрыва
уходят испанки под взвизги гитар,
и каждая столь бесконечно красива,
что юноши гибнут от бешеных чар.

И жив потому только я, что в России
я благостью Софьи сполна напоён,
не чарами — мудростью Анастасии,
не пляской гитан, а сияньем икон.

* * *

Глядела, в сердце проникая...
Манила гранью дерзких скул...
Она — мулатка роковая,
а я её покорный мул.

Иду за нею верной тенью
без усталости и ночь и день
и отдаю себя мгновенью,
когда её коснётся тень.

Как мог бы я рукою твёрдой
в голодном мраморе иссечь
её в прожилках синих бёдра
и холодность прозрачных плеч!

Но неподкупно и сурово
судьбу вершит один ответ:
её медлительное слово —
её губительное нет.